

Оксана Кира

САВЕРНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Annotation

На что вы готовы пойти ради исполнения заветного желания? Уверены, что на всё? Даже убить свою любовь?

Заветное желание

Заветное желание

— Почему нас обучает человек, у которого даже дара нет! — возмущались ученики за моей спиной.

Уже восемнадцать лет я преподаю в этом заведении, и каждый год эта сцена повторяется вновь и вновь. Если раньше стоило лишь назвать мою фамилию и вопросы снимались сразу, то нынешнее поколение уже все забыло.

— Я вас услышал, — голос ректора, как и прежде, был властным и полным силы. — И все вами сказанное доказывает лишь о том, что вы совершенно не усваиваете материала на уроках современной истории. Я наказываю вас: неделя исправительных работ на кухне.

Вот и все! Как мало стоят оскорбления моей чести.

Глядя вдаль невидящим взглядом, пыталась успокоить себя и перестать страдать. Это был мой выбор. И даже сейчас я не жалею ни о чем.

— Аулерия, — позвал мой друг и бывший соратник, нынешний ректор академии Высшей Магии — Артемид Лактур.

— Да, — отозвалась я, даже не обернувшись.

Мне и не требовалось, я знала, что сейчас он очень обеспокоен. Он чувствовал себя виноватым и пытался поддержать и успокоить меня. Голубые глаза, как и прежде, смотрели на меня с теплом, но в них поселилась горечь, которая просыпалась, стоило Артемиду увидеть мои мучения. Он помнил меня прежнюю, и сегодняшняя я лишь блеклая тень той, которую он знал.

— Аулерия, как ты? — переживания его были искренними, но было неприятно его слышать.

Когда-то мы были молоды и веселы — храбрые выпускники этой же академии. И не было сильнее нашей группы. Война настигла нас именно в этом возрасте и искалечила наши души.

Теплая ладонь друга опустилась на мое плечо, я положила на нее свою, чуть сжимая.

— Все хорошо. Не переживай. Это не первый и не последний раз, — спокойно отозвалась.

Развернувшись к нему лицом, попыталась улыбнуться, но не смогла. Горькая ухмылка — это все, на что я была способна.

— Придешь на ужин? — как и прежде настойчиво пригласил к себе Артемид.

— Нет, поблагодари Софинель. Настроение не то. Только испорчу все. Вы уж повеселитесь без меня.

— Держись, ты справишься, — отпустил меня друг, и я покинула его кабинет.

Слезы сдержать не смогла, да и последние слова не принесли утешения, они жгли меня изнутри. «Справишься», — сколько лет я слышу одно и то же. Надо что-то менять. Я не справляюсь. Держаться просто не осталось сил. Не обращая внимания на встречающихся студиезов, прошла в свой кабинет, закрыла дверь на ключ. На доске так и осталась отвратительная надпись — проказы моих учеников.

Подойдя к окну, нервно дернула старые рамы, распахивая их. Морозный воздух ворвался в темную комнату и стал пощипывать кожу, мокрую от слез. Встала на стул, чтобы почувствовать давно забытое чувство свободы. Когда-то я могла призвать ветер, и он дарил

мне крылья. А сейчас у меня не было ничего, только пустота зияла внутри, там, где должна быть сила. Болезненно сжимая горло, рыдания вырывались наружу, но, сглатывая их, я не позволяла себе разрыдаться вслух.

Неожиданно взвизгнула, когда меня схватили сзади и поставили на пол. Развернувшись, встретила с обеспокоенным взглядом очень необычных, слишком темных глаз своего ученика.

— Зверн, как ты здесь оказался? — испуганно спросила я, оглядываясь на закрытую дверь.

— Вам совсем плохо? — услышала приятный, очень тихий голос молодого человека.

— При чем тут это! — возмутилась, я все еще никак не могла прийти в себя от внезапного появления ученика. — Как вы вошли сюда?

— Как обычно, — ответил Зверн. — А вам плохо? — настойчиво повторил вопрос ученик.

Почесала бровь, стараясь взять себя в руки. Улыбнувшись, попыталась расцепить его руки, которые все еще удерживали меня за талию.

— Спасибо за заботу. Мне уже лучше. А сейчас выйдите отсюда так же, как вошли, — ответила ему, сгорая от стыда и позора.

— По-моему, плохо, — Зверн не отпускал меня.

Откуда в нем столько силы и наглости?

— Мне уже лучше, говорю же. Отпусти меня, — потребовала у него, начиная слегка закипать.

— Все может измениться, стоит лишь пожелать, — вместо того, чтобы отпустить, сказал ученик и, приподняв мое лицо за подбородок, поцеловал.

От удивления я замерла, широко раскрыв глаза. Губы у него были нежными и мягкими, а еще очень горячими. Зверн вообще весь был горячим, я ощущала жар от его рук на коже. Даже сквозь ткань я чувствовала его ладонь у себя на талии. Осторожный и такой трепетный поцелуй рождал во мне неведомое томление. Отстранившись, ученик тряхнул своими черными волосами, откидывая челку с глаз. Самодовольно улыбаясь, он протянул руку и заправил мои выбившиеся кудри за ушко, слегка щекоча кожу.

— Все изменится, стоит только пожелать, — таинственно произнес Зверн и пошел к выходу.

Дверь открылась легко, так же беззвучно закрывшись за ним. Ахнула от ужаса — дверь была открыта, и любой вошедший мог нас застать.

Подбежав к выходу, решила посмотреть, кто был в коридоре. Но, взявшись за ручку, не смогла открыть дверь. Она была заперта. Прозвенел звонок, напоминая, что у меня сейчас будут две пары, а в таком состоянии я ничего не смогу делать.

Устремилась в подсобку, где умыла лицо. Глянув в зеркало, отметила: красный распухший нос и глаза выдавали, что я ревела. Это недостойно преподавателя, так срываться на глазах у учеников. А выходка Зверна совсем выбила меня из колеи. Зачем он это сделал, неужели я так жалко выгляжу? Или это очередной розыгрыш? Нет, только не он! Он не мог. Пусть он и поступил только в этом году, но уже проявил себя, как серьезный и очень спокойный молодой человек.

Руки слегка дрожали, и лицо все еще не хотело приобретать свою обычную бледность. Умылась еще раз и оценила результат, которого не было. «Да и ладно», — мысленно махнув рукой. Вся академия уже, наверное, гудит об очередной шутке надо мной. Глубоко вдохнула

и выдохнула, медленно выпуская воздух. Я готова вступить в бой со студентами.

Намочив тряпку, только подошла к доске и стала стирать надпись, как дверь громко скрипнула. Удивленно замерла, вспомнив, что она всегда скрипела. Как же у Зверна получилось беззвучно покинуть комнату? Обернувшись, увидела, что Артемид обеспокоенно смотрит на меня. Свела брови, не понимая причины странного поведения друга. Тот, что было еще странно, показал мне руками, что все хорошо. И ушел, закрыв за собой дверь. И, конечно, раздался знакомый противный скрипучий звук.

— Ничего не понимаю, — сказала самой себе, пожав плечами, и вернулась к прерванному занятию.

Когда и следа не осталось от мела, подошла и открыла дверь, которая оказалась все еще была закрытой на ключ. Как же я отвыкла от того, что маги способны открыть любые замки.

Ждавшие у двери ученики стали заходить в комнату и рассаживаться по своим местам. Зверн зашел вместе со всеми. Сама не замечала, что ищу его взглядом, пока не утонула в нежности, что дарили эти темные магнетические глаза. Парта Зверна была самой последней возле окна. И обычно он предпочитал не слушать лекции, а высматривать что-то на улице. Он всегда так вел себя, но только не на моих лекциях. Здесь он внимателен и с ним интересно вести дискуссии. А еще он мне кое-кого напоминал. Того, кого я не могла никак забыть.

Тот же цвет глаз, то же выражение лица. Надменность и небрежность в общении с сокурсниками. Хотя не только с сокурсниками — со всеми, и неважно, кто перед ним.

— Тишина, — потребовала я у расшумевшихся студиров. — Садитесь. Продолжим тему сорванного урока «Заклинания».

— Как я уже вам говорила, заклинание — это не что иное, как просто слова. Лишь их смысл должен иметь значение для вас.

Руку поднял хамоватый брюнет — сын мэра какой-то захолустной планеты. Разрешила ему встать.

— Слушаю.

— А это правда, что написано в учебнике? — нахально спросил, как его там, вроде Дрогеш.

— Учебники на то и написаны, что в них содержится правда и опыт прошлых поколений, — вежливо ответила, ожидая очередного вопроса.

Так-то я уже поняла, про какой учебник он говорил.

— Вы, и правда, участвовали во взятии Черной Цитадели — самой неприступной планеты?

— А вы сомневаетесь, что женщина может воевать наравне с мужчиной? — парировала я.

Девочки одобрительно зашумели, недовольно глядя на чуть покрасневшего парня. Да, я не белая и не пушистая.

— Нет, я просто. Но вы же...

Давай, мальчик, скажи эти слова. Произнеси то оскорбление, которое смывается только в поединке.

— Пустышка, — подсказала ему.

Дрогеш покраснел еще сильнее, выдавая себя с головой.

— Как я погляжу, три недели на кухне ума вам не прибавили? — холодно осведомилась, понимая, что сейчас взорвусь от злости.

— Неделя! — вскричал ученик.

— Неделя была за надпись, а за то, что вы опять срываете урок, еще две. Итого, три недели на кухне, — спокойно объяснила простую арифметику и взяла листы с лекцией.

— Продолжим. Заклинания нужны обычно слабым магам...

Опять поднятая рука остановила лекцию. В этот раз это была рыжая красавица нашего факультета Ладрин Ал`Дорен. Ожидаемо.

— Почему вы так говорите? Заклинания всем нужны. Я слышала, как даже наш ректор произносит их! — пылко высказалась она.

Ее обвинения мне были понятны. Девица влюбилась в Артемиду, и наличие у нег красавицы-жены и троих детей ее не останавливало. А я, записанная этой девушкой в любовницы, очень мешала ей жить.

— Слова нужны только для концентрации. Когда вы произносите их, в голове у вас образуется картинка того, что вы хотите получить в итоге.

Дальше лекция пошла своим чередом. Я рассказывала, ученики записывали, а Зверн уточнял те моменты, которые считал непонятными. Все, как и прежде.

— То есть нужно просто знать, что ты хочешь?

— Нет, ты должен быть уверен, что ты это сделаешь. Поэтому, когда ты произносишь заклинания, нужна не только сила, но и воля заклинателя. По этой причине книги с заклинаниями продаются в свободной продаже. Тот, кто не имеет силы, и тот, кто не уверен в себе, никогда не смогут использовать их.

Прозвенел звонок, а я опять увлеклась. Поговорить со Зверном одно удовольствие. Я даже забываю, что мы не одни в комнате.

— Все свободны, — отпустила замерших студиров, а сама стала готовиться к новой лекции уже у другого потока.

Вечером, уставшая, зашла в свою квартиру. Пустота встретила меня. Включив свет, кинула сумку на тумбочку около зеркала. Туфли с гулким звуком упали на пол. А я прошла на кухню, где в холодильнике еще оставалась еда. Открыв его, замерла от удивления, он был полон!

Захлопнув дверцу, прислушалась к тишине квартиры. Ничто не давало повода сомневаться, что я тут одна. Кто же мог так баловаться? Прошла по комнатам: все лежало на своих местах.

Позвонила Артемиду, единственному, кто может так обо мне побеспокоиться.

— Аулерия? — услышала я голос друга.

— Привет. У меня сегодня праздник, мой холодильник полон, — весело сообщила я ему.

— О, и каков повод для праздника? — спросил друг, а я застыла с трубкой в руках. Это не он!

Обернулась и стала вглядываться в темноту комнат. Кто же тогда это был?

— Аулерия? Ты еще тут? — позвал Артемид.

— Да, да, я еще тут, — поспешно ответила ему. — Придумываю повод. И знаешь, не могу найти.

— Тебя что-то тревожит, я чувствую, — голос друга потерял веселость, став обеспокоенным.

— Нет. То есть да. Я пока не разобралась, — запуталась я в ответах.

Не хотелось попусту тревожить друга, Софинель и так ревнует. Но и тревога не

отпускала. Я ведь даже артефакты не могу активировать. А тут явно вмешались магически.

— Мне приехать? — прозвучал вопрос, на который у меня всегда был только один ответ.

— Нет, нет! Прости, просто опять депрессия. Еще раз извини. До завтра, — зачистила я и выключила телефон.

Устало уткнулась лбом в косяк, разглядывая трубку в руках. Артемид все так же жесток. Знает, что никогда не полюблю его, но продолжает попытки к сближению.

Оттолкнувшись от косяка, протянула руку и положила телефон. Вернулась к холодильнику, открыла дверь. Глаза разбежались от разнообразия выбора. Даже не знала, что взять.

Контейнеры все были подписаны. Тут была и европейская еда, и азиатская, и экзотическая.

Достала азиатскую, приоткрыла крышку, там лежали мои любимые суши. Радостно усмехнувшись, развернулась к столу и замерла. За ним сидел Зверн и улыбался мне.

Если в академии его выходка вызвала во мне гнев, то сейчас я испугалась. Контейнер выпал из ослабевших рук, но так и завис в воздухе. Молодой человек встал и направился ко мне. А я стала отступать от него, пока не вжалась в холодильник, который морозил спину. Брюнет взял контейнер и заглянул внутрь.

— Отличный выбор, Аулерия. Вина у тебя тоже не было, поэтому я взял с собой.

— Ты что тут делаешь? — справившись с испугом, спросила я. — Я не приглашала, так что это незаконное проникновение на частную территорию.

Улыбка, что он подарил, заставила меня затрепетать. Так Зверн мне никогда не улыбался. Только у одного человека я видела такую улыбку. Слезы предательски застилали глаза, я прикрыла рукой рот.

— Аулерия, прости. Я не хотел тебя расстраивать. Я уйду. Но ты позови, когда я тебе потребуюсь. Я, как и прежде, люблю тебя, моя маленькая звездочка, — прошептал Зверн и растаял.

Просто исчез, а я разрыдалась в голос и осела на пол. Этого не может быть! Желание исполнилось! Все было не напрасно!

— Минас, — позвала я в темноту.

И он вернулся. Зверн опустился рядом со мной на пол, притянув к себе. Я обняла его за шею, счастливо улыбаясь.

— Это ты! — восторженно прошептала я.

— Да, моя звездочка. Это я. И я вернулся к тебе. Я был так счастлив, когда узнал, что ты ждала меня и верила. Я просто был на вершине счастья, только не знал, как тебе признаться.

Отстранившись, по-новому стала разглядывать Зверна. Лицо было еще молодым, волосы — короткими, но он их отращивал. Когда я видела Минаса последний раз, волосы его были длинными, и челка — на бок постоянно прикрывая его глаза.

— Ты изменился, — призналась ему.

— Неудивительно. Но душа старая. И я, как и прежде, люблю тебя, — такие желанные слова проникали прямо в мою душу.

Как же я скучала, даже не понимаю, как я могла жить все восемнадцать лет без него.

— Ой, — замерла я, вспоминая, что сейчас Минасу именно восемнадцать лет.

— Забудь, — приказной тон, и я вновь прижата к груди. — Я не откажусь от тебя. Слышишь? Ни тогда, ни сейчас, когда сумел найти.

— Но ты же мой ученик, а я твоя преподавательница, — попыталась образумить я любимого.

— Это легко исправить. Я заберу тебя к себе, — веселые нотки так и слышались в его голосе.

Минас всегда был веселым — душа компании, заводила и балагур. Он не мог не подшучивать надо мной, а я всегда велась на его шутки. Даже ребята иногда попадались на его проказы.

— Куда к себе? — развеселилась я.

Ведь в мои обязанности входило все знать о своих учениках. Поэтому я всегда читала все анкеты. Зверн был сиротой, воспитывался в военном приюте, когда в нем проснулся дар, его перевели сюда — в академию.

Отстранившись, любимый обхватил ладонями мое лицо и, загадочно улыбнувшись, тихо прошептал:

— Я заберу тебя на мою планету — Черную Цитадель.

— Что? — в ужасе вскрикнула, пытаюсь отстраниться от Минаса.

Только не это!

— Прости, любимая! Прости! Но это уже не обсуждается! — смеясь, пытался заблокировать мои удары бронею, при этом, не давая мне сбежать от него.

— Как ты мог! Я только обрадовалась! А ты? — возмущалась я.

— Я смог! Да, моя звездочка, смог. И в этот раз у меня все получится, — продолжал смеяться Минас-Зверн и поймал мои руки, заводя их за спину.

— Откуда такая уверенность? — устало замерла в крепких объятиях любимого.

Улыбка, опять эта его улыбка, что разжигала пожар в крови и заставляла прощать ему все.

— Потому что ты теперь со мной, а не против меня, — вкрадчивый шепот проникал в душу, волнуя и без того растревоженное сердце.

— Я не пойду против...

— Прости, я уже все решил, — прижав палец к моим губам, перебил меня Минас. — От тебя ничего не зависит. Прости, звездочка. Я могу дать тебе время привыкнуть. Закончить дела. Но не более того.

Так и сидели на полу, обнимаясь, пытаюсь взглядом, друг на друга надавить. Убрав его палец от своих губ, улыбаясь, попыталась встать. Минас меня отпустил, поднимаясь сам, дожидаться его не стала, бросилась к телефону. Но дотянуться до него не получилось, любимый перехватил меня за талию, развернув от такой желанной трубки в другую сторону.

— Аулерия, Аулерия, как тебе не стыдно, — прозвучал насмешливый голос Минаса над ухом, и он шагнул в открывшийся портал, так и держа меня на весу.

— Нет! — крикнула я, зажмурившись.

Сразу же появилось неприятное ощущение вращения, которое постоянно накатывала на меня при переходе в пространстве, а потом резкий шквал голосов. Распахнула глаза, чтобы понять, что он все же это сделал! Он перенес нас на Черную Цитадель. И не просто на планету, а в свой замок — Обитель Тьмы.

Зал, куда мы попали, был полон людьми в черных доспехах. Поставив меня на ноги, любимый, чуть задвинув себе за спину, приподнял руку, сжатую в кулак в приветствующем жесте темных. Послышался слаженный грохот, выглянув, я в удивлении воззрилась на то, как все, кто был в зале, встали на колени, склонив голову.

Подозрение, точнее, уверенность, что Минас уже давно готовился и восстанавливался, крепло во мне с каждой секундой. Я помню этот зал разрушенным до основания. Этой расписной крыши не было, стены лишь кое-где присутствовали, а теперь даже намека нет на то, что тут произошло много лет назад.

Развернувшись ко мне, Минас резко подхватил меня на руки, я и возмущенно воскликнуть не успела, как он устремился со мной к черному трону. Эта часть интерьера осталась прежней. Как бы маги не старались, они так и не сумели его разрушить. У меня к тому времени просто не было сил, а мои соратники не знали, как это сделать. Трон был неприступен.

Страх наполнял меня, по мере приближения к этой черной каменной глыбе. Сильнее прижавшись к любимому, с мольбой прошептала:

— Минас. Не надо, прошу.

Посмотрев мне в глаза, он лишь подарил одну из своих нежных улыбок и поцеловал в лоб.

— Все будет хорошо, я обещаю, — ответил мне любимый.

Только почему-то уверенности от его слов не прибавилось. Я все сильнее жалась к Минасу, начиная паниковать. Но остановить его у меня не получилось. Он уверенно взобрался по ступенькам и сел на трон, так и продолжая держать меня на руках. Но мне было неудобно и не хотелось соприкасаться с холодным камнем. Поэтому села прямо, чуть откидываясь на плечо Минаса.

— Ну вот, а ты боялась, — весело подмигнул мне брюнет.

А я и сейчас продолжала бояться. Страх никуда не уходил, и, когда я смотрела на легендарных черных рыцарей, ужас сжимал мое сердце. Раньше, когда у меня была сила, я знала, что могу выстоять против них. А теперь все изменилось, и только защита Темного Властелина спасала меня от неминуемой расправы. Я даже не тешила себя мыслью, что меня никто из них не узнал.

— Рыцари мои, представляю вам мою избранницу — Аулерию. Она теперь наша Властительница. Вы обязаны служить ей, как мне! — зычно крикнул любимый.

По рядам рыцарей прошел ропот, но никто не высказался против. Я же, как могла, держала лицо, не давая собравшимся даже заподозрить, как мне страшно.

Минас одобряюще улыбался мне и гладил по спине, несколько не заботясь о том, что нас видят. Он выставлял напоказ свои чувства. Мне было трудно понять, чего этим Минас хочет добиться. А потом громогласно пронеслось по залу:

— Клянемся в верности нашей Властительнице Аулерии! За предательство Тьма накажет нас.

Чуть обернувшись к Минасу, спросила у него:

— К чему весь этот фарс? У меня нет силы, я обычный теперь человек.

— И что с того? — недоуменно спросил он у меня. — Ты же сама сказала, главное — уверенность в себе. Вот и верь. А я всегда помогу. Мы никогда больше не расстанемся, любимая.

Слова находили отзыв в моей душе, возрождая к жизни. Я и забыла, каково это, когда о тебе заботятся не из жалости, а от любви! Ответная улыбка растянула губы. Я была очень признательна ему сейчас. Мое сердце переполняло безграничное счастье.

Подтолкнув рукой в спину, Минас заставил меня упасть ему на грудь. И мы стали целоваться, забывая обо всем на свете, пока кто-то рядом деликатно не кашлянул. Подняв

голову, сразу узнала серого кардинала Темного Властелина и испуганно дернулась.

Я совсем забыла про того, кто чуть меня не убил. Того, кто встал между мной и алтарем.

— Властительница, я смиренно прошу о прощенье за то, что произошло между нами, — уверенный голос и прямой взгляд холодных голубых глаз — время не все меняет в этом мире.

Минас резко выпрямился и сурово глянул на советника.

— Земер, ты что-то утаил от меня?

Холод, сквозивший в голосе Властелина, мог заморозить воду, но не советника, который лишь покорно склонил белоснежную голову и заговорил:

— Я не знал, что задумала моя госпожа. И пытался ей помешать. Но она сразила меня в честном поединке и выполнила намеченное.

Тот бой я чудом выиграла, поставив подножку, как учил меня любимый. Но добить лежачего у меня не поднялась рука. Надеюсь, что не пожалею об этом в будущем.

— Дорогая? — обратился ко мне Минас.

— Что? — состроила невинные глазки, не желая ничего рассказывать.

— Дорогая, нам надо срочно поговорить, — как угрожающе прозвучало это совершенно мирное предложение.

Я даже стала вспоминать, что могла такого сотворить, что он так разозлился. Легко поднявшись, снова удерживая меня на руках, Минас стремительно пошел в сторону до сих пор незамеченных мной дверей. Оглянувшись назад, поймала кривую ухмылку мелькнувшую на губах Земера, и он еще мне отвесил шутовской поклон. Я начала сожалеть, что не добила врага, когда была такая возможность. Коридоры мелькали, меняя друг друга. Встречающиеся люди жались к стенам, пропуская спешащего Властелина.

— Минас, что случилось? Ты на что злишься? — решила поговорить, пока он куда-то меня несет.

Страх за себя не чувствовала, так как верила любимому. Мне хотелось знать, почему так быстро сменилось его настроение.

— Хочу прояснить один момент, который ускользнул от меня, — спокойно ответил Минас, открывая ногой дверь.

Ударившись о стену, она сама захлопнулась, погружая комнату в полумрак. Освещение включилось автоматически, реагируя на движение. И, наконец, меня бережно опустили на широкую кровать. Сев поудобнее, стала ожидать вопросов. Только Минасу для того, чтобы их мне задать, потребовалось сначала скинуть сапоги, потом расстегнуть все пуговицы на рубашке, а дальше я отвернулась. И того что я увидела, было достаточно, чтобы покраснеть от смущения и забыть, зачем мы сюда пришли. Такого раньше он себе не позволял — так оголяться передо мной.

Кровать неожиданно ощутило прогнулась под тяжестью любимого. Он по-хозяйски обхватил меня руками и притянул к себе. Лежать, прижавшись к голому торсу мужчины, было ново для меня и очень волнительно. Я ощущала жар его тела, боясь признаться самой себе, что это приятно. Мужской аромат защекотал нос, я даже почесала его, но избавиться от запаха не удалось. В полной тишине хорошо слышала сильные удары сердца любимого.

— Аулерия, расскажи, что было, когда вы пробились к алтарю. Я не помню этого момента, — нарушил молчание Минас.

Возвращаться в ужасы прошлого очень не хотелось, но лучше, если он это услышит от меня, чем от кого-то другого. Ведь правду знаю только я.

— Парни остались биться с тобой, а я пробралась в тайную комнату, которая вела к алтарю. Там столкнулась с Земером. Ну, естественно, он пытался меня остановить.

— Он сильнее тебя, Аулерия.

Тут он прав, я была на волосок от гибели.

— Ну, пришлось попотеть. Вспомнила все, чему ты меня учил, и подставила ему подножку, — продолжила повествование.

— Подсечку, — поправил меня Минас, приятно зарываясь рукой в мои волосы.

— Да, ее. Он упал и потерял сознание, а я побежала дальше. А там... — запнулась я.

Любимый с тревогой заглянул мне в лицо, я же пыталась сдержать слезы.

— А там был уже ты. Тебя парни через другой ход принесли и на алтаре распяли. Готовили заклинание «Развеиватель душ». И я еще как нельзя кстати прибежала. Артемид сразу за руку меня схватил и жертвенным ножом сделал на ней надрез.

Опять замолчала, переживая снова тот момент, когда сопротивляющуюся меня удерживали двое, а Артемид сцеживал кровь в жертвенную чашу для благого дела. Как потом ею чертили пентаграмму, а я ревела, моля парней остановиться. Но не в моих силах было спасти любимого. Черные пряди, пропитанные кровью, безжизненно свисали с алтаря, мутный взгляд абсолютно черных глаз, выскивал меня и нашел. Губы Минаса беззвучно зашевелились, повторяя лишь одно — «Заветное желание».

Когда меня освободили, ребята под предводительством Артемиды встали вокруг алтаря и запели слова заклинания. На меня никто и не обращал внимания, поэтому и не остановил. Схватив жертвенный нож, я произнесла свое собственное заклинание, вплетая в него всю свою волю и веру, на ходу смазывая лезвие своей кровью, и со всего маху вонзая его в сердце Темного Властелина. Вся сила, что была во мне в тот момент, разом ушла через нож в тело любимого, иссушая мой резерв навсегда. Минас вздрогнул в предсмертной агонии и улыбнулся мне. Он улыбался, не отрывая от меня взгляда пока его тело осыпалось пеплом.

Все эти годы я отгоняла прочь сомнения, надеясь на лучшее. Я боялась усомниться, что не успела спасти душу любимого.

Но мне это удалось, мой возлюбленный возродился. И сейчас мы лежали вместе на одной кровати, как в старые добрые времена в студенческом общежитии для девочек.

Я ворвалась в свою комнату, разозленная до предела, меня снова поставили дежурной по кухне. Наказали ни за что! За то, что мы с ребятами подглядывали за преподавателем по истории. Мы же всего лишь хотели узнать, где он прячет свои горячительные напитки.

Так как я самая легкая, меня и держали на плечах, а я в маленькую щель следила за лектором Воксамером. Все бы ничего, да надо было кому-то из парней громко хохотнуть. На этот звук лектор резко оглянулся, и наши взгляды встретились. Как он узнал меня? Уму непостижимо, но узнал и наказал!

Обиженно упала на кровать, уткнувшись в подушку. Ругалась я тогда, как сапожник. Неожиданно мастерское коверкание родного языка прекратилось из-за появления Минаса. Он появился, словно из ниоткуда, разлегся на моей кровати. А так как на ней было и одному человеку тесно, то подтянул меня к себе на грудь. Лежать на горячей мужской груди было приятно, но волнительно.

— Чего пришел? — решив не расслабляться, спросила всегда радостного наглого брюнета.

Заодно пыталась отогнать от себя странные мысли, которые тревожили меня.

— Посочувствовать, — весело отозвался Минас, больно щелкнув меня по носу. — Сколько раз тебе говорил, не дружи ты с ними. Они опять тебя подставили, а сами — в кусты. Сколько раз уже это было?

Отчитывал брюнет меня регулярно за то, что вожу дружбу с ребятами. Но сам постоянно где-то пропадал, а мне было скучно дружить с девчонками. Вот и сейчас Минас начал читать мне нотации. Но какой же я буду друг, если так легко предаю дружбу?

— Они пытались заступиться, но ректор их и слушать не стал, — оправдывала я ребят.

— Кто пытался? — ехидно уточнил брюнет, недовольно хмуря брови. — Ты Артемида больше слушай. Никто и не пытался даже слова в твою защиту сказать. Пропадешь ты с ними.

Разозлившись на Минаса, попыталась сесть, но он удерживал меня.

— А ты чего не заступился? Раз такой храбрый, — съязвила я, хотя понимала, что не права.

Брюнет тут не при чем, я сама во всем произошедшем виновата. Могла же отказаться, но мне захотелось не отставать от компании.

— Я не мог, — спокойно ответил Минас, подминая меня под себя, и навис сверху, чуть вдавливая в кровать. — Меня же не было с вами, и к ректору не вызывали. Поэтому я там только подслушивал и подглядывал.

В тот миг я поняла, что влюбилась в эти веселые глаза и радостную улыбку. Губы его мягкие и такие горячие обожгли и дарили тревожное чувство, болезненно сжимающее мое сердце. Сколько времени мы самозабвенно целовались, даже не догадывалась, но прервал нас Артемид, который схватил Минаса за плечо и пытался его скинуть с меня.

— Прекрати, — крикнула я, вставая на защиту любимого.

— Аулерия, ты же не знаешь, кто он! — словно взбесившись, кричал на меня мой друг. — Он — темный!

Тогда еще не было войны, но уже многие разделились на два лагеря. Артемид с самого начала был ярим противником темных. А я не понимала, чего нам с ними делить. Не придавала значения косым взглядам на любимого. И вскоре его вынудили покинуть академию. Так мы и расстались. Душа моя разрывалась на части от тоски. И только поддержка друзей помогла мне не скатиться в пучину отчаяния. А еще поддерживали заверения Минаса на прощание, что мы все равно будем вместе.

— Аулерия, пора просыпаться, — кто-то легко тряс меня за плечо.

С трудом открыв глаза, увидела, что это Минас. Он сидел рядом, переодетый в черную рубашку.

— Сколько времени? — удивилась я.

Посмотрела на окно, за ним была непроглядная тьма — еще ночь. Обернулась к Минасу, не понимая, зачем он меня разбудил.

— Пора, уже полночь, — подгонял меня любимый, — надень вот это платье.

— Что пора, — я все еще пребывала в замешательстве, даже не сдвинулась с места.

Потерла глаза, пытаясь собраться с мыслями.

— Свадьба, любовь моя. Наша свадьба. А ты ее сейчас проспичь.

— А почему ночью? Завтра днем никак? — идти куда-то совершенно не хотелось, я даже подумывала перевернуться на другой бок и проспать до утра.

— Аулерия, какая же ты соня. Вот нисколько не изменилась. Если сама не

переоденешься, то это сделаю я с большим удовольствием, — голос соблазнял, заставляя представить, как он это будет делать.

Резко распахнула глаза. Минас опять подшучивал, тихо посмеиваясь надо мной.

— Хорошо, отвернись, — сдалась я и села.

Потом передумала и легла, плотнее укутываясь в одеяло. Стала под ним снимать с себя платье, запутываясь в подоле. Мне было ужасно стыдно раздеваться перед мужчиной, пусть и любимым, но все равно — стыдно.

Это у него красивое молодое восемнадцатилетнее тело, а у меня тело — уже тридцатичетырехлетней девицы, со всеми отложениями и выпуклостями.

— Аулерия, давай помогу, — раздалось неожиданно очень близко.

Замерла, приготовившись, что Минас начнет действовать. Но он ждал моего разрешения, которое я не намеревалась ему давать.

— Давай! Выйди за дверь, а я смогу спокойно переодеться, — согласилась я.

Тихий смех, и кровать дрогнула, потом демонстративно громко хлопнула дверь. И я смогла выглянуть из-под одеяла с облегчением. Он оставил меня одну!

Выбравшись из кровати, быстро скинула с себя платье и потянулась к черному шелку. Приподняв одеяние, замерла, не понимая, что это?

— Ну, и чего застыла? — насмешливо прозвучало из-за спины.

Взвизгнув, прижала к груди шелк, разворачиваясь лицом к веселящемуся Минасу.

— Аулерия, чего застыла? Время идет, а ты все еще не одета. Хотя в таком виде ты мне больше нравишься, — с нежностью сказал он, прижимая меня к себе.

Горячие ладони обжигали холодную спину.

— Минас, я попросила тебя выйти, — напомнила я ему, краснея от смущения.

— Чего ты стесняешься? — удивленно спросил любимый.

— Есть чего, — недовольно прошептала, опуская голову.

Вывхватив платье, он легко разобрался, где низ у него, а где верх, и стал надевать на меня через голову. Вытянув руки вверх, позволила подпоясать себя тяжелым кожаным поясом, переливающимся на свету драгоценными камнями. Потянув за руку, Минас усадил меня около зеркала, взяв расческу, сам расчесал волосы, распутывая колтуны. А я рассматривала платье, которое оказалось прозрачным, и белое белье под ним ярко выделялось. Любимый закончил мучиться с волосами, и я направилась к шкафу, мысленно молясь, чтобы дорогой додумался приобрести хоть что-нибудь черное из нижнего белья. В шкафу ничего подобного не нашла, в комодке тоже и развернулась к любимому, который стоял, сложив руки на груди, и ухмылялся.

— Моя звездочка что-то потеряла?

— Да, тебе ничего не кажется странным в моей одежде? — вопросом на вопрос ответила ему, указательными пальцами показывая на грудь.

— А я думал, когда ты поймешь, что белье под этим платьем не подразумевается, — веселье и еще раз веселье, никакой серьезности в голосе.

— Что? — возмутилась я. — Я не собираюсь идти голой!

— Ты не голая, а в восхитительном платье. Так что снимай, а то я сам это сделаю! — угроза не возымела действия, я лишь гордо отвернулась от него, не собираясь раздеваться окончательно.

Щелчок пальцев, и я в ужасе замираю, понимая, что он это сделал. Я голая!

— Я никуда не пойду! — обиженно воскликнула и направилась к кровати, решительно

намереваясь там спрятаться.

— Ох, Аулерия, ну несколько не изменилась. Строптивая, как и прежде, — услышала я, и даже взвизгнуть не успела, как осознала себя уже на плече у любимого.

— Минас, я сказала, что голой никуда не пойду!

— Да почему голая? Звездочка моя, ты в платье, которое прикрывает все самое соблазнительное.

— Не смешно, Минас. Твоя шутка зашла слишком далеко! Верни меня в спальню! — продолжала кричать я, стуча по его спине кулаками, но ему было все нипочем.

— Не расстраивайся, мы туда непременно вернемся, только проведем церемонию и сразу туда. Я обещаю, любимая!

Так он и шел по коридорам со мной на плече. Крики разносились далеко, эхом отражаясь от высоких потолков. На мой ор сбежались слуги и многие рыцари, это и заставило меня замолчать. Густо покраснела от позора, сама же и рассказала всем жителям замка, что на мне нет белья. Какой ужас! Ну, Минас, я тебе потом отомщу!

— Все хорошо, поставь меня на ноги, я сама пойду, — решив сменить тактику, жалобно взмолилась.

Но желанной свободы не получила, только поменяла положение. Минас опять нес на руках.

— Звездочка моя, ты босиком, так что потерпи, сейчас уже дойдем, — объяснил он свое странное нежелание отпускать меня с рук.

— Ты же тоже босиком, — заметила я.

— Ну, я не заболею, а ты — можешь, — ответил любимый, целуя меня в висок. — Ну, вот и пришли.

Двери открылись, и я замерла от удивления. Он принес меня к алтарю. Как я забыла, что у темных все церемонии проводятся именно здесь.

Маленькая комната была заполнена людьми в черных мантиях с серебряными знаками по подолу. Темные Верховные Магистры — их же всех истребили!

Сжалась на руках у Минаса, боясь даже представить, что им тут понадобилось.

Стоило магистрам заметить нас, как они сразу же опустили на одно колено, склонив голову. Любимый прошел мимо них, не произнося ни звука, а я пыталась лишней раз не дышать. У самого алтаря стояла, лишь склонив голову, еще одна фигура в серебристой мантии, знаки на ней были черными и заковыристыми. Никогда не думала, что буду жалеть о том, что не стала изучать темные руны, хотя Минас мне предлагал. А я со смехом отмахнулась, считая, что не понадобится.

Лиц магистров не было видно из-за глубоких капюшонов. Но что-то неуловимо знакомое было в том, кто стоял сейчас рядом с нами.

— Все готово? — голос, которым задал вопрос Минас, стал властным.

Это очень отличалось от того, как разговаривал со мной. Даже в академии он не позволял себе так ни с кем разговаривать.

— Да, Властелин, — знакомый голос Земера послышался из капюшона.

Так и знала, что это он!

Минас осторожно поставил меня на каменный пол, от удивления даже рассматривать его стала. Черный, гладкий и очень теплый пол. Стоять на таком одно удовольствие.

А пока я была занята, Земер встал перед нами, держа в руках знакомые жертвенные нож и чашу.

Я не удержалась и скривилась. Почему все должно повторяться?

— Любимая? — позвал Минас, протягивая свою ладонь.

— У меня тот еще шрам не зажил, — заныла я, надеясь спастись от участи быть опять изрезанной.

— Я залечу тот, обещаю, — заверил любимый, нежно улыбаясь.

Устоять не было сил, и я вложила свою ладонь в его руку. Крепко ухватив ее, Минас сделал надрез, и я опять стала наблюдать, как моя кровь стекает в эту, уже ненавистную, чашу. Только в этот раз рану не просто так залечили, а очень чувственно зализали, довольно щурясь, словно кот, лижущий сметану, а не кровь.

Потом провел ту же процедуру со своей рукой и в итоге отдал Земеру чашу, над которой тот стал возносить слова заклинания. Магистры вторили красивыми сильными голосами, и даже Минас подпевал. Только я стояла и оглядывалась, поражаясь тому, что не боюсь. Интерес есть, мне все любопытно, а страха нет. Как-то странно.

Когда голоса стихли, Земер развернулся к нам лицом и передал чашу Минасу. Я удивленно смотрела, как Минас пьет из нее. Облизнувшись, протянул мне, предлагая повторить за ним.

— Да ни за что! Это же кровь! — взвизгнула я, отпрянув от протянутой зловещей чаши.

— Аулерия, — усталый вдох Минаса заставил устыдиться своей выходки.

Только я все равно не намерена пить кровь!

Отвернулась от любимого, чтобы не видеть укоризненного взгляда. Магистры замерли, повернув лица ко мне. Я чувствовала, что они возмущены моим поведением. Но упрямо, поджала губы и опустила голову, стала рассматривать свои маленькие пальцы, торчащие из-под подола.

Долго обижаться мне не дали. Минас развернул меня к себе лицом, удержал за подбородок и поцеловал. Лизнул губы, заставляя их приоткрыться, и когда я подчинилась, мой рот наполнился кровью! От неожиданности сглотнула и попыталась оттолкнуть от себя Минаса. Пришлось пару раз стукнуть его, прежде чем он разорвал свой кровавый поцелуй.

— Тьма благословляет ваш союз, — провозгласил завершение обряда Земер.

От бессильной ярости набросилась на Минаса с кулаками, а он, смеясь, уклонялся.

— Ну, любимая! Ну, хватит. Все ведь закончилось и совсем не страшно!

— Ты заставил меня выпить кровь! Кровь, Минас! Ты же знаешь, что я этого терпеть не могу.

— Знаю, звездочка, знаю. Поэтому и пришлось применить хитрость!

— Я просто в бешенстве! Как ты мог! Минас!

— Прости, обещаю так больше не делать. Успокойся, моя любимая. Все прошло.

Вкус крови все еще оставался во рту.

— Мне надо запить, а то сейчас стошнит! — взмолилась я, понимая, что не вру.

Тут же став серьезным, Минас подхватил меня на руки и вышел из комнаты. В столовой мы оказались исключительно быстро, и я даже не заметила момент, когда в руках у меня оказался бокал с вином. Но мне было без разницы что пить, только бы исчез этот приторно-металлический вкус.

Залпом выпив весь бокал, отдала его Минасу и села на первое, что попало. Вино было крепким, от него в голове сразу зашумело. Я сжимала виски, пытаюсь привыкнуть, что мир стал кружиться.

Любимый присел возле меня, обеспокоенно вглядываясь в мое лицо. Глаза любимого

были очень близко и дарили мне нежность. Минас такой красивый, даже в этом теле. Губы чуть тоньше, но поцелуй такие же сладкие. И он все такой же горячий. Никогда не встречала такого горячего, просто обжигающего, человека, который распял бы меня одним прикосновением. А улыбка, его улыбка! Просто невозможная улыбка, которая...

— Аулерия, по-моему, нам пора в спальню, — произнес Минас завораживающим голосом.

— В спальню? Зачем? Тут так весело, — заупрямилась я, в кои веки у меня праздник, и сразу гонят спать. — Нет, я хочу танцевать. Ты же пригласишь меня на вальс?

Горестно покачав головой, Минас задорно рассмеялся и встал передо мной. Лихо стукнув пятками, предложил руку, ожидая меня.

Я тоже встала, присела в реверансе, пошатнулась, чуть не упав, но сумела выровняться и вложила свою ладонь в его руку. А дальше он увел меня в танец. Звуки музыки красиво переливались, создавая романтическую атмосферу в столовой. Горячие пальцы Минаса у меня на спине приятно согревали. Я не могла отвести взгляд от черных, таких любимых глаз. Счастливо улыбалась, кружилась, ведомая любимым. Было так легко и весело, даже не верилось, что мы вместе.

— Я люблю тебя, моя звездочка.

— Я сильнее люблю. Если бы ты знал, как тяжело без тебя, любимый, — прошептала, смахивая набежавшие слезы.

Совсем расклеилась, реву и реву. Остановившись, Минас приподнял мое лицо за подбородок, склонился, чтобы поцеловать.

— Властелин, светлые подтягивают к нашим границам флот, — раздался голос Земера.

Замерев, не могла оторвать взгляд от плескающей в глазах Минаса тьмы.

— Вот не могли другое время найти, да? Моя звездочка. Вечно у них все не вовремя, — вздохнул любимый и все же поцеловал долго и жадно.

С сожалением оторвавшись от моих губ, он прижал к себе, уткнувшись носом мне в макушку.

— Минас, — позвала я, — все плохо?

— Ну, смотря у кого, — опять пошутил любимый. — У них так точно сейчас все будет очень плохо. Подождешь? Я быстро.

— А у меня есть выбор? — обиженно спросила у него, понимая, что будет так как захочет он, и нам придется расстаться.

Минас как — то замялся и странно посмотрел на Земера, который стоял за моей спиной. Нерешительность мелькнула на лице любимого, но мне этого было достаточно, чтобы решиться на следующий вопрос:

— А с тобой можно?

Решила закинуть удочку наудачу. Желание не расставаться, по-моему, у нас было обоюдным. Минас перевел взгляд на меня, а я невинно улыбнулась, прижимая ладошки к груди.

— Хорошо, только тебя надо переодеть, — согласился любимый.

Опять оказалась у него на руках, крепко ухватилась за шею и подозрительно глянула на советника. Тот провожать не стал, что-то правя у себя на планшете.

— Ты ему точно доверяешь? — даже для себя самой неожиданно задала вопрос.

— Кому? — не понял Минас.

Почесала нос, не зная, как решиться сказать, кого я имела в виду.

— Земеру, — выдохнула я и замерла.

— Я никому не доверяю, только тебе, звездочка моя. Только тебе, — прошептал Минас.

Я сначала растаяла, а потом до меня дошел смысл сказанного.

— Я что, в опасности?

— Почему? — удивился Минас.

— Я же светлая и сражалась против них, — стала объяснять очевидное.

— Ну, милая, сражалась, молодец, уважение у них ты заслужила. А то, что ты светлая... была, — подчеркнул любимый, — так это поправимо.

Я удивленно слушала, как он очень бодро отмахнулся от моих тревог.

Но беспокойство не проходило, и я потребовала от него объяснения:

— Как это поправимо?

Мы как раз вошли в спальню, и Минас опустил меня на кровать, а сам занялся поиском одежды для меня.

— Минас, объяснись! Я уже боюсь, между прочим.

— А чего боишься? — даже не оглянувшись, спросил любимый.

— Ты так спокойно об этом говоришь. Я нахожусь в самой гуще врагов. И вот мое мнение: только ты своих магистров удерживаешь от того, чтобы разорвать меня на части, — взвилась я из-за его спокойного тона. — И что это ты решил поправлять?

Развернувшись ко мне, Минас подошел к кровати, неся в руках одежду, выловленную им из шкафа. Лицо любимого было очень сосредоточенным, ни тени намека на обычную веселость.

— Так, звездочка, одевайся. И глупости из головы выброси. Сама же слышала, как тебе клятву верности принесли. Тьма их покарает даже за мысль о предательстве. Как думаешь, эта кофточка будет смотреться с этой юбочкой?

Вещи были черными, и я приподняла бровь, улыбаясь, глядя на Минаса.

— Милый, а как ты думаешь?

— Думаю, ты будешь еще очаровательнее в этом, — сказал любимый и протянул одежду.

— Отвернись, — попросила его, забирая вещи.

Минас поцеловал, прижимая к себе.

— Ты прекрасна, любовь моя.

— Перестань, я же и поверить могу, — прошептала в ответ, прижимаясь щекой к его груди.

— Поверь и перестань стесняться. Ты для меня самая красивая, — его дыхание приятно шевелило волосы на макушке.

— Минас, мы же не расстанемся вновь, пообещай, прошу.

— Я обещаю, — сильнее обнял, — никогда больше никто не встанет между нами. Мы будем всегда вместе. Ты и я.

Минас приятно согревал, даря чувство умиротворения. Я даже вновь почувствовала за спиной невидимые крылья.

— А помнишь, как мы летали по ночам? Соревновались, чьи крылья сильнее. Я тебя обгоняла каждый раз, вновь и вновь.

— Помню, — прошептал в ответ любимый.

— Я больше всего скучала по твоему голосу, который всегда поддерживал и успокаивал.

— Ты всегда со мной спорила и не слушалась, — весело отозвался Минас. — Слушала

всех, только не меня.

— Не ври. Только тебя я слушалась.

— Когда шишки набьешь и со слезами прибежишь ко мне, только тогда ты меня слушалась.

Рассмеялась, вспомнив сколько раз такое было.

— А вот и нет, — заупрямилась я. — Я же послушалась тебя и загадала желание.

— А я тебе запретил лететь сюда с ними. А ты опять заупрямилась, — обвинил меня Минас, и его объятия стали причинять боль.

— Я не могла отказаться от тебя. Не могла, любимый. Я бы умерла, как только новость о твоей смерти распространилась. Понимаешь, сама бы убила себя за предательство. Я думала, что ты понял это.

Обида, что он так и не понял меня, душила горькими рыданиями. Минас почувствовал их и, приподняв мое лицо, быстро зашептал:

— Я понял это, поэтому вы и прошли. Я не мог позволить тебя убить, звездочка моя, глупая. Я же только о тебе в тот миг думал. И сейчас только о тебе, любимая.

— Что? Я не понимаю? Ты бы не умер, если бы я не пришла? — вскричала я от удивления.

— Ну, я надеялся на это! — подмигнул мне любимый.

Он не понимал, что сейчас творилось у меня внутри. Угрызения совести просто разрывали мою душу на части.

— Так нечестно! Ты мог прямо сказать, а не намеками, которые я никогда не понимала! — оттолкнула от себя его руки.

Не находя себе места, ходила из угла в угол, словно загнанный зверь. Неужели этого всего могло и не быть. И я бы не видела, как он умирал, да что там! Я сама его убила, сама!

— Звездочка, успокойся. Если бы ты не прилетела, и я бы победил, как ты думаешь, твои друзья были бы живы? — успокаивающий рассудительный голос Минаса заставил задуматься. Замерла на месте, повернув голову в его сторону.

Стоит, улыбается, раскрывая свои объятия.

— Знаешь, может ты и прав. В то время за это я тебя бы возненавидела, но не сейчас.

— Я знаю. Иди ко мне, — позвал Минас.

— Нет. Выйди, а то я так никогда не переоденусь, — попросила его, подходя к кровати.

— Только недолго, — услышала, прежде чем за Минасом закрылась дверь.

— Недолго, так недолго, — сказала сама себе, разглядывая наряд.

Юбка была что надо — длинная и с широким подолом, а еще удивительно легкая.

— Юбочка, — хмыкнула, оценив юмор любимого.

Видел бы он юбочки, которые я носила после войны, вот там были юбочки. А эту надо гордо называть юбка до полу. Блузка была красиво отделана серебряной тесьмой и спереди застегивалась на пуговицы, в которых блестели драгоценных камушки.

Положила эту прелесть обратно на кровать, вернулась к главному вопросу дня — нижнее белье. Где оно могло у меня быть, даже не предполагала. Потратив, наверное, минут десять, махнула рукой и надела старый, но свой родной комплект. Блузка и юбка были непрозрачные, поэтому никто и не догадается, что под ними беленький сюрприз.

Как только была застегнута последняя пуговка, приступила к поиску обуви, в шкафу ее точно не было. Вот только в спальне было мало мест, куда вообще можно было убрать обувь. Шкаф, комод и тумбочки я уже осмотрела, под кроватью тоже ничего не обнаружилось, как

и за шпорами. Пусто!

Решив спросить у прислуги, поискала кнопку ее вызова. Но как бы я не осматривала стены и тумбочки, таковой не обнаружилось. Устав тратить время впустую, выглянула за дверь. Подозрительно, что обычно оживленный коридор был пуст.

— Замечательно, и где мне теперь искать Минаса? — досадливо вздохнула и отправилась босиком на поиски.

Пол был холодным, как и предостерегал любимый, поэтому шла на носочках, выбирая направление наугад. И чем дальше шла, тем больше пугалась. Замок вымер. Кричать было страшно и стыдно. Страшно — вдруг я и вправду осталась одна. Стыдно — если прибегут слуги, как объяснить чего я раскричалась?

Поэтому решила продолжать идти и не останавливаться, ведь кто-то должен быть. Минас не мог меня бросить, он же обещал.

Спустившись вниз, в одном из коридоров, наконец-то, услышала голоса. Бросившись на звук со всех ног, сама не заметила, как, завернув за поворот, оказалась в чьих-то крепких объятиях. И это точно был не Минас.

— Моя госпожа, вы куда-то торопитесь? — прозвучал вежливый голос Земера.

От страха тело сработало машинально. Ударив коленом в пах, вывернулась из мужских рук, и оставалось ударить локтем, но Земер, замешкавшись от неожиданности, дальше издеваться над собой не позволил. Плавное движение, и я прижата лицом к стене.

— Госпожа, успокойтесь. Я не причиню вам вреда.

— Отпусти, — приказала ему, пытаюсь не показать своего страха.

Все повторяется, как в страшном сне. Он и я в узком коридоре, и у меня нет шансов против противника. Горячее дыхание обжигало шею, от чего сердце было готово выскочить из груди.

— Ну же, Аулерия, успокойся. Если бы я хотел тебя убить, то сделал это еще тогда. Знаешь, сколько у меня было возможностей? Благодаря приказу хозяина, я твоя вечная тень, охраняющая тебя в любое время суток, — от его тихого шепота, стыла в венах кровь.

Что было сил, пыталась вырваться. Но все попытки были тщетны, я совершенно беззащитна перед ним. Я, словно муха, попавшая в паутину, а паук уже стоит за спиной. Ему осталось вонзить в меня зубы, отравляя свои ядом. В подтверждении своей догадки, почувствовала прикосновение его холодных губ к моей шее. Затаила дыхание, боясь пошевелиться.

— Моя госпожа, — волнующим голосом позвал советник, но договорить ему не дал Минас, так вовремя появившийся в коридоре.

— Земер! — грозно крикнул он, и блондина словно ветром сдуло. С глухим стуком он ударился о стену и медленно сполз на пол.

Почувствовав, что я свободна, бросилась к любимому. Он заключил меня в свои родные объятия и я уткнулась ему в горячую грудь. Страх понемногу отпускал, но на смену ему меня стал бить озноб. Закрыла глаза, с блаженством погружаясь в тепло, которым так щедро делился любимый, самый лучший мужчина во Вселенной.

— Не смей к ней прикасаться, Земер. Я уже предупреждал тебя. Это — последний раз. И то, что ты меня воспитал как отец, тебя не спасет — уничтожу, — злость, что прозвучала в голосе любимого, пробирала до костей.

Но я была благодарна ему за то, что он меня спас, очередной раз спас.

— Аулерия, ты почему меня не позвала? — гневно обратился он ко мне.

— Позвала? — переспросила, удивленно глядя в суровое лицо Минаса.

— Аулерия, — выдохнул любимый и уже спокойно продолжил. — Где бы ты ни была, тебе нужно просто позвать меня, и я непременно приду. Глупая моя звездочка.

— Прости, — сказала первое, что пришло на ум, низко опустив голову. — Я просто туфли искала, а их нет.

— Что ты искала? — спросил Минас.

За спиной послышался тихий смех, который кто-то пытался безуспешно приглушить. Подозрительно оглянулась на Земера, тот стоял к нам спиной и посмеивался. Обиженно поджала губы: то пугает, то насмеяется. Что за советник такой у Минаса?

— Звездочка, ты что, босиком на холодном полу? — рассердился любимый, поднимая меня на руки. — Я же тебе сказал, заболеешь же.

— Минас, да не было обуви! — обиженно вскричала я. — Я везде искала, нет ее, и все тут.

— Любимая, твое любое желание будет исполнено тут же, только скажи мне. Я все для тебя делаю. Хорошо?

Кивнула, довольно улыбаясь.

— Тогда, мне обувь, и я готова идти за тобой хоть на край Вселенной.

Минас счастливо улыбнулся, а я неожиданно почувствовала, что ноги мои обуты.

— Ловлю на слове, звезда моя, — прошептал любимый, и понес меня прочь от советника.

Что меня заставило оглянуться через плечо Минаса, не знаю. Но улыбку, что подарил мне Земер, не иначе как многообещающей не назвать. И вообще, он слишком был весел для человека, которого только что в стену силовой волной впечатало. А его холодные глаза заглядывали в самую глубину души, как и тогда.

— Какая маленькая пташка залетела ко мне. И кто это у нас тут? — насмешливый голос раздался из-за спины.

Резко развернулась, выставила перед собой меч, готовая отразить нападение неожиданного противника. Холодные голубые глаза светились в полумраке, пугая своей нечеловечностью. Верховные магистры — наполовину демоны.

Минас учил никогда не разговаривать во время боя и не вестись на слова. Все, что требовалось, это лишь не пропускать удары.

— Как тебя зовут, мышонок? — продолжал издеваться магистр.

Но я молча следила, как враг обходит меня, играя своим мечом. Резкий выпад, я отскочила из-под удара, чуть не попав в «Ловушку Тьмы». В ответ выплеснула «Светоч Веры». Магистр блокировал «Щитом Мрака», поглощая свет. И мы вновь оказались в полной темноте. Ночное виденье помогает, но режет глаза. Вдруг раздался оглушительный гром, и стены затряслись, с потолка посыпалась штукатурка. Не позволила себе отвлечься от боя, но сердце сжалось в предчувствии беды. Отголоски сильнейшего светлого заклятия донеслись и сюда. Магистр замер, словно его оглушило. Я бросилась в тронный зал, откуда сюда попала, но враг был быстрее.

— Не так быстро, мышка, не так быстро.

Меч почти коснулся моей шеи, но защитный амулет Минаса спас, отбросив магистра от меня. Враг извернулся и приземлился на ноги. Дальше обрушила на него воздушный шквал. Темный отмахнулся от моей атаки, словно от назойливой мухи.

— А мышка оказалась и не мышка вовсе, — прошептал он, наступая на меня. Решимость, что отразилась у него в этот момент на лице, пугала сильнее светящихся глаз. Бросилась от него прочь, на ходу вспоминая, что еще можно сделать. Темный догнал и, больно схватив за плечо, развернул к себе, прижимая к стене. Я выставила колено, упираясь в живот советнику, и попыталась ударить в кадык.

Радостно ухмыляясь, мужчина вдавливал меня в стену, блокируя ногу, не давая оттолкнуться от себя.

— Кто же ты такая, мышка, что не мышка. Как же ты сладко пахнешь, заманчиво сладко, — шептал блондин, склоняясь все ближе ко мне так близко, что я могла разглядеть клыки.

Раздался очередной взрыв почти рядом. Мы одновременно повернулись в сторону звука, замерли, прислушиваясь. Бой затих, и я услышали крики ликования друзей.

— Я опоздала! — со стоном прошептала.

Встретившись с голубыми глазами, разозлилась на того, кто в этом виноват. Выпустив чистую силу, врезала пару раз опешившему советнику. Он пытался укрыться руками от сыплющихся градом моих ударов, а я все не могла остановиться, вымещая всю злость на нем. Удар по ногам был последним, блондин упал, ударившись головой о стену, и осел на пол. Я стояла, ожидая, когда он встанет. Но советник так и продолжал лежать с закрытыми глазами. Долго стоять над ним у меня не было времени, поэтому развернувшись, бросилась к алтарю, страшась за любимого.

— Аулерия, что-то случилось? — выдернул из воспоминаний голос любимого.

Улыбнувшись, повернулась к нему лицом.

— Нет, просто, кое-что вспомнила. И куда мы летим? — как можно бодрее спросила, отгоняя тоску.

Теперь Минас со мной, и все осталось там — далеко в прошлом. Главное только то, что сейчас я с ним и я счастлива. Нет никого счастливее меня, только Минас!

Космический корабль, на котором я оказалась, впечатлял габаритами и комфортабельностью. Меня снова стали терзать смутные подозрения, что любимый давно начал копить силу, восстанавливая не только Цитадель, но свою «Темную Орду». Чтобы я не мешала, Минас усадил меня с соседнее кресло, здесь, на капитанском мостике, с которого открывался прекрасный вид на бесконечную и такую загадочную Вселенную. Яркие звезды приветливо мигали, посылая нам свои далекие лучи. На фоне всего этого великолепия красными флажками был помечен вражеский флот, звездолеты которого, выстроившись нестройными рядами, делали попытки окружить темных.

От созерцания работы в столь неординарной обстановке десятков рыцарей меня отвлекало кожаное кресло, на которое так любезно меня посадил милый. Все бы ничего, да только оно подо мной постоянно неприятно скрипело. И я с него постоянно соскальзывала, стоило лишь откинуться на высокую мягкую спинку, даже ремни безопасности плохо удерживали меня на одном месте. Издевательство просто. Как бы я ни старалась удержаться, но мне это не удавалось. Когда в очередной раз попыталась привести себя в вертикальное положение, Минас отстегнул ремни и резким движением пересадил меня к себе на колени.

— Так удобнее? — участливо спросил любимый, требовательно всматриваясь в мои глаза.

Я от смущения не могла и слово вымолвить. Вот так вот просто, у всех на глазах, он

опять поставил мои проблемы превыше всего остального. Это было так неожиданно и заставляло мое сердце сильнее биться от радости. Даже не могла предположить, что я такая эгоистка. Ведь сидя на коленях у любимого, я счастливо улыбалась, радуясь, что он заботится обо мне, пренебрегая своими обязанностями властелина.

— Да, спасибо, — прошептала ему, пряча глаза.

— Только не вертись, — попросил Минас, переключая все свое внимание на виртуальную карту квадрата, где мы сейчас находились.

— Куда мы летим? — шепотом, боясь отвлечь, повторила свой вопрос.

— Никуда, так, кружок по орбите сделаем, поговорим с Тодеусом...

— Тодеус, — встрепенулась я.

Наш бывший друг, после войны стал стражем границ, и я потеряла с ним связь.

Если быть откровенной самой с собой, то надо признать, что ребята пытались со мной дружить. Но я так ушла в себя, что не заметила, как потеряла всех, и со временем рядом со мной остался лишь один, но самый верный и любящий друг — Артемид.

— Да, наш Тодеус теперь следит за мной. Мой личный тюремщик, — горько усмехнулся Минас, крепче прижимая к себе.

Я остро почувствовала, как любимый переживает по этому поводу. Все же, когда Минаса выгнали, именно Тодеус страдал наравне со мной. Они с ним были как братья. Дружья не разлей вода. Тяжело осознавать, что война сломала их дружбу. Тогда, еще беловолосым мальчиком, Тодеус рьяно защищал друга — темного, но потом сильный удар — известие, что Минаса провозгласили Темным Властелином — сломал его. Хотя он до конца не мог поверил, что Минас нас предал. Как и я, только я пронесла эту веру до конца. А он нет.

— ...и домой...

— Что? — перебила я любимого, из-за воспоминаний совсем потеряла нить разговора.

— Аулерия, что с тобой? — обеспокоенно спросил Минас, чуть разворачивая к себе лицом.

— Задумалась и прослушала, повтори, пожалуйста, — попросила его, погладив по щеке, чуть задержав пальцы на горячих губах.

— Звезда моя, — выдохнул любимый, целуя мои пальцы. — Если ты устала, может, поспишь у меня в каюте?

Такого вопроса я не ожидала. Расстаться с любимым даже на секунду было для меня смерти подобно.

— Нет, нет. Я тут хочу, — быстро прошептала, вновь садясь прямо, чтобы не мешать Минасу руководить.

— Тут спать неудобно, — развеселился любимый и уткнулся в мои волосы.

От его очень теплого дыхания вновь стало уютно, и теперь точно никто не сможет меня с колен любимого согнать.

— Я тут остаться хочу, с тобой, — жалобно попросила, опуская голову.

Взгляд упал на перстень, который был надет на безымянный палец любимого. Он был не броским, хоть и большим, и камень особо не выделялся, если бы не одно «но». Если смотреть на камень прямо, то он казался обычным, а вот если боковым зрением смотреть, то чудилось, будто камень живой. Словно тьма, заключенная внутри, мечется в нем, плавно переливаясь. Станный перстень — артефакт однозначно. Жаль, я не могу почувствовать магию и прочитать, что оно может.

— Ну, хорошо, — дернулась, скорее почувствовав, чем услышав горячий шепот Минаса. — Повторю: сделаем кружок вокруг орбиты, поговорим с Тодеусом и вернемся домой, туда, где нас ждет незабываемая брачная ночь. Надеюсь, ты не забыла о таком немаловажном ритуале?

Своим дыханием Минас приятно щекотал мое покрасневшее ухо. Зажмурилась от удовольствия, все сильнее краснея от смущения.

Брачная ночь — это звучит так старомодно, но безумно романтично! Так и представила: я, он и кровать. Очень большая кровать, я успела оценить ее размеры: большая и мягкая. Будоражила воображение черная шелковая простыня, которая приятно холодила кожу.

Но как бы все красиво мне не виделось, я немного побаивалась предстоящей ночи. Сердце опять пустилось вскачь. Меня всегда пугала неизвестность. Пугала, но и манила к себе, обещая открыть что-то новое.

Чтобы не лопнуть от переполняющих меня чувств, решила отвлечься и понаблюдать, как другие работают. А смотреть, в принципе, было не на что. Все были очень заняты: каждый своим делом. Кто-то делал расчеты, другие что-то устанавливали в виртуальных планшетах, кто-то чертил прямо так, на карте.

Медленно переводя взгляд с одного рыцаря на другого, я вдруг заметила Земера. Почему-то я была убеждена, что мы его оставили на планете. А он тут! Блондин стоял, облокотившись спиной о стену, сложив руки на груди, и безмятежно улыбался. На него никто не обращал внимания, но он видел всех и замечал все, словно незримый страж!

— Властелин, — раздалось сбоку.

Я повернулась на голос. Около нас, немного не доходя, стоял один из приближенных рыцарей. Продольную линию его черных погон украшали вдоль три большие серебряные шестиконечные звезды — если не ошибаюсь, адмирал.

— Слушаю, — холодно отозвался Минас.

— Они вызывают нас.

— Выводи на экран, — отдал приказ любимый, удобнее усаживая меня лицом к этому экрану, где уже появилось изображение другого звездолета, а на переднем плане — Тодеус, собственной персоной. Не узнать его было невозможно! Те же белые волосы, тот же упрямый взгляд из-под бровей и сжатые губы. Хотя нет. Тодеус изменился: зелень его глаз потемнела и потеряла блеск. Они стали мутными и тяжелыми. Неприятный взгляд — тяжелый и колючий.

— Приветствую, Дамиан, — от меня не укрылась усталость, которая промелькнула в голосе Тодеуса.

— Приветствую тебя, друг мой, — отозвался Минас.

Я с жадностью рассматривала своего бывшего друга, он тоже не оставил меня без внимания. Пренебрежительность, с которой он кинул на меня взгляд, сменилась радостью узнавания.

— Тодеус, — позвала я, боясь спугнуть момент.

— Аулерия? — удивился блондин, чуть подавшись вперед, пытаясь получше разглядеть меня. — Не может быть! Это ты?

— Я, — радостно ответила, улыбаясь ему.

— Тебя же все потеряли, а ты тут, — вдруг Тодеус замялся и перевел взгляд на любимого. — Не может быть, — в изумлении прошептал. — Этого не может быть. Аулерия, что же ты наделала!

— Тодеус, успокойся, — прозвучал уверенный голос Минаса.

— Нет, это не можешь быть ты. Я сам видел, как она убила тебя. Аулерия, что же ты наделала, глупая.

— Тодеус, — одновременно позвали мы блондина, который уже руками схватился за голову, с ужасом глядя на любимого.

— Тодеус, я помню все клятвы, что мы давали друг другу. Одна гласит, что ты никогда не предашь меня.

— Ты сам меня предал, сам! — обвиняюще кинул блондин. — Я верил тебе, а ты! Ты бросил меня одного! Как ты мог? Я же так верил тебе.

— Тодеус, его же выгнали, ты не помнишь? — пыталась вразумить ошарашенного и такого взволнованного блондина.

— Аулерия, ты же его всегда любила. Любила и верила, а я усомнился. Он же обещал, что вернется, что мы никогда не расстанемся. Нужно только верить всем сердцем, — шептал Тодеус.

Я не могла спокойно смотреть на мучения блондина, у меня сердце разрывалось от переживания. Он же был тогда совсем мальчик. И, конечно, для него это был самый ужасный момент в его жизни. Я чувствовала, что обязана помочь ему пережить еще одно потрясение.

— Тодеус, все хорошо. Он вернулся, как и обещал, — осторожно стала подбирать слова, чувствуя поддержку Минаса, который гладил меня по колену, придавая уверенности.

— Аулерия, — выдохнул Тодеус и уже осмысленным взглядом посмотрел на нас. — Тебя ищет Артемид, ты хотя бы позвонила ему. Он же с ног сбился, а ты...

Осуждающее глядя на меня, он покачал головой, показывая мне тем самым, что он обо мне думал, и устало произнес:

— Возвращайтесь в свой сектор, Лорд Дамиан. Аулерия, я передам, что у тебя все хорошо и принесу за тебя извинения. Минас, — обратился он к любимому, — если это ты, то вспомни еще одну клятву, что ты мне давал под нашим дубом. Не забудь, прошу.

— Я помню, мой друг.

— Я буду ждать тебя, — ответил Тодеус и, кинув очень непонятный взгляд на меня, отключился.

Какой-то неприятный осадок остался после разговора с бывшим другом. Задумалась и не заметила, что уже давно смотрю на Земера, который таинственно улыбался мне, правда, улыбка его холодных глаз так и не коснулась. Перевела взгляд на его губы, с замиранием сердца наблюдая, как уголки его рта немного приподнялись, обнажая острые кончики клыков.

— Ну, вот и все, — вздрогнула от неожиданности. Минас как всегда весело обратился ко мне, крепко прижимая к себе. — А сейчас домой, и как можно скорее! Я жду не дождусь, когда мы уже останемся с тобой, моя звездочка, наедине.

Любимый попытался поцеловать меня, но я вовремя подставила щечку. При всех целоваться мне было стыдно, особенно когда на меня неотрывно смотрят эти холодные голубые глаза. Плотоядный взгляд Земера я продолжала чувствовать и поежилась в объятиях любимого.

— Ты замерзла? — удивился любимый.

Миг, и я уже укутана в теплое черное одеяло. Как же я люблю Минаса, особенно за эту чуткость и ухаживания.

— Опять черное, — заметила, прижимаясь к любимому плотнее, согреваясь и отгораживаясь от неприятных мыслей и личностей.

— Привыкай, на этой стороне мода на такой цвет, и тебе он очень к лицу.

— Приготовиться к посадке, — раздалось под потолком.

Все зашевелились, рассаживаясь по местам. Меня Минас не отпускал, хотя я хотела пересесть в свое кресло. Он, пренебрегая правилами безопасности, пристегнул нас двоих одним ремнем.

Пока совершали посадку, я чувствовала лишь нежные поцелуи, крепкие и надежные объятия.

— Любимая, — доносился очень тихий шепот, от которого я просто таяла.

Обычно он так меня укладывал спать в общежитии: практически невесомо гладил по волосам, целуя в висок, крепко прижимая к себе. И засыпая, я всегда слышала его ласковый шепот.

— Ой, звезда упала, а я не успела загадать желание, — расстроено прошептала я, обиженно глядя в ночное небо.

— А какое желание ты хотела загадать? — вдруг раздалось над головой.

Испугано взвизгнув, выставила щит света, оборачиваясь к неожиданному противнику. Но никого сзади не было. Подозрительно озираясь по сторонам, пыталась понять, кто это мог быть. Опять раздался мелодичный смех сверху. Запрокинув голову, увидела хозяина этого приятного и такого мягкого голоса. Это был старшеклассник, судя по форме. Он сидел на высокой ветке и сверху наблюдал за мной.

— Так какое желание ты хотела загадать? — весело, беззлобно спросил молодой человек.

А я забыла, что надо рот от удивления прикрывать, а то ворона залетит. Настолько была поражена его красотой. Длинные волосы цвета вороньего крыла, совершенно черные глаза, удивительно загорелая кожа. Это все я сумела разглядеть благодаря ночному видению и приближению фокуса. Для моих одиннадцати лет это было великое умение, которым я, соответственно, гордилась и пользовалась при каждом удобном случае.

— Желание? — переспросила я, когда молчать стало некультурно.

Собеседник очень завораживающе рассмеялся и кивнул головой.

— А, желание, — сообразила я, наконец, что хочет от меня этот красивый старшеклассник.

— Чтобы быстрее закончить академию, — честно призналась ему, ожидая, когда он меня засмеет.

Так как понимала, насколько смешотворны для него желания маленьких леди.

— Ну, тогда не расстраивайся, такое желание на падающую звезду не загадывают. Все равно не сбудется, — расстроил он и без того печальную меня.

— А почему? — обиженно спросила я.

Все же не зря я не верила им — этим звездам.

— Потому что звездочки исполняют только самое заветное желание.

— Заветное? А что это такое? — уже с большим интересом стала прислушиваться к брютету, который ради того, чтобы мне открыть эту страшную тайну, стал спускаться вниз.

Я в восхищении следила, как уверенно он двигается, легко и непринужденно соскакивая с ветки на ветку, пока мягко не приземлился на траву.

— Ради исполнения заветного желания, ты должна быть готова заплатить очень высокую цену.

— Цену? — совсем расстроилась я. — А у меня совершенно нет денег.

Тихий смех опять нарушил ночную тишину. Он был необидным, скорее приятным и дружеским.

— Это не деньги, это нечто большее. Например, ты готова отдать свою силу ради того, чтобы твоя мама была всегда здорова?

— А у меня нет мамы. Но если бы была, то, наверное, да.

— Вот когда ты решишься на такой благородный поступок, отдать за другого человека что-то столь же ценное, как твое могущество, только тогда заветное желание исполнится. Звездочка выполнит его, отдавая взамен свою жизнь, — закончив говорить, молодой человек легко стукнул меня по носу и весело рассмеялся тому, как я обиженно посмотрела на него из-под челки и потеряла кончик носа.

Я все никак не могла отойти от того, что он мне сказал, раздумывая над его словами. Неужели, заветное желание такое? Я всегда думала, что желание должно быть простым и понятным. А тут!

— Эй, — крикнула я вслед уже ушедшему старшекласснику и бросилась за ним. — Эй, а как тебя зовут?

— Меня? — радостно спросил брюнет и остановился, ожидая, когда я подбегу, протягивая мне руку.

Я нерешительно смотрела на раскрытую ладонь, силясь понять мотивы молодого человека. Но он продолжал ждать с теплой улыбкой на губах, которая так располагала к нему, что я решилась и вложила свою ладонь в его руку.

— Меня зовут Минас, звездочка.

— Я не звездочка, — тут же ответила, стесняясь нежности с которой он это произнес.

— Поверь, ты станешь для меня звездочкой.

— Аулерия, ты уснула, моя звездочка? — разбудил меня Минас.

— Уснешь тут с вами, — недовольно пробурчала в ответ, с трудом открывая глаза. Мы все еще были на корабле, который уже совершил посадку. Все члены экипажа деловито собирались, оставляя свои места после себя идеально чистыми, и шли на выход, располагавшийся справа от нас. Проводив последнего рыцаря взглядом, повернулась к Минасу, который не спешил покидать капитанское место.

— А мы не идем?

— Идем, — глухо отозвался любимый.

Но вместо того, чтобы идти, он начал раскутывать меня. Чтобы облегчить работу Минасу, я хотела встать на ноги, но он не дал мне покинуть его колени, придерживая рукой за талию, и откинул в сторону уже ненужное одеяло. С легкостью приподнял меня за талию и развернул к себе лицом. Когда он усаживал меня обратно себе на колени, я раздвинула свои, чтобы удобнее было сидеть. От приятных ощущений дыхание чуть сбилось, и кровь прилила к щекам. Они просто горели, выдавая мое смущение Минасу. Но любимый не сказал ни слова, притянув меня к себе, зарылся рукой в волосы и стал покрывать мое лицо нежными поцелуями, от которых я таяла, в блаженстве прикрывая глаза.

В голове у меня не осталось ни одной здоровой мысли, они все разлетелись, оставляя нас с любимым один на один. Когда его горячий язык проник между моими губами, дернулась

от неожиданности, напуганная странным порывом Минаса. Он целовал меня очень властно, с неудержимым напором, задавливая любую мою попытку остановить его. Горячей ладонью он сильнее прижимал меня к себе, второй сжал мои волосы в кулак, лишая возможности отстраниться.

Я замерла в его руках, не зная, что предпринять. Такого я не ожидала и растерялась. Упираясь ладонями ему в грудь, пыталась привыкнуть к этому дикому поцелую.

Сколько прошло времени с того момента, когда Минас начал мучить мои губы, тараня мой рот своим языком, я не знала. Но закончилось все так же неожиданно. Тяжело выдохнув, Минас взглянул мне в лицо и обомлел. То, как расширились его глаза, давало мне надежду, что он не знал, что творил. И это была всего лишь вспышка безумия.

Долго смотреть на него и молчать я не смогла, отвела глаза, рассматривая на его рубашке пуговицы. Внутри у меня все заледенело от пережитого страха, а лицо пылало от стыда. Чтобы успокоиться, прижала ледяные пальцы к своим горячим губам, пытаюсь их хоть немного остудить.

— Аулерия, — позвал Минас, но я не могла сейчас взглянуть на него, продолжая упорно разглядывать пуговицы.

— Любимая, прости, я напугал тебя? — то ли спросил, то ли удивился любимый.

А у меня камень упал с души. Он переживает из-за своего поступка.

Молча кивнула, боясь, что голос меня подведет.

Приподняв мое лицо за подбородок, любимый обеспокоенно спросил:

— Очень испугалась?

Опять кивнула, уже чувствуя, как комок подступает к горлу, а глаза защипало.

— Звездочка моя маленькая, — начал ласково Минас.

— Я не маленькая, — запротестовала я, упрямо пряча глаза.

— Маленькая, совсем маленькая. И безумно желанная. Очень желанная. Ты такая сладкая. Так бы и пил из твоих уст. Ты словно чистейший родник, из которого пьешь и не можешь напиться, — шептал Минас, все ближе притягивая меня к себе.

Сопротивляться ему не было никакого желания, только бы и слушала его манящий голос, опять тая от его нежных ласк. В этот раз поцелуй был, как и прежде, невесомый дразнящий. Когда я полностью расслабилась, отвечая ему, Минас снова мимолетно проник ко мне в рот, лаская своим языком мой. Я была готова к этим ощущениям и смогла оценить по достоинству откровенную и интимную ласку.

Минас словно дразнил меня своим языком, и мне даже стало интересно: каково это, когда ты проникаешь в чужой рот. Это было безумие, просто безумие! Его рот был горяч и приятен, что очень удивило. Войдя во вкус, я даже пыталась прикусить его не в меру шаловливый язык зубами, чем немало развеселила Минаса.

— Проказница, — пожурил любимый, радостно улыбаясь, — и больше не отказывай мне в такой малости, как твой сладкий поцелуй, любимая. Это неприятно и очень сильно ранит меня. Поняла?

Кивнула, но все же не согласилась:

— При всех я не могу целоваться, это неприлично!

— Что еще неприлично делать при всех? — ехидно уточнил у меня любимый.

Чтобы уйти от ответа, я порывисто обняла его за шею, прижавшись губами к ней. Минас все понял и без слов, обнимая меня, и тихо прошептал:

— Я люблю тебя, моя звездочка. Никогда не забывай об этом и не сомневайся во мне. Я

все сделаю для тебя, чтобы мы никогда не расставались. Слышишь? Никогда.

Слышать-то я слышала, только сказать ничего не могла от еле сдерживаемых слез. Я была на вершине счастья, лучше и быть не может! Он меня любит, я его тоже безумно люблю, и мы вместе. И это все реальность, а не сон. Я снова его маленькая звездочка, которую он учит чему-то новому, открывая для меня красоту и чувственность этого мира. Незаметно всхлипнув, прикусила нижнюю губу, чтобы не выдать себя.

— Аулерия, а ты вообще знаешь, что в брачную ночь делают молодожены? — от неожиданного вопроса Минаса, замерла, не зная то ли плакать, то ли смеяться.

— Конечно, — украдкой вытерев слезы, прошептала в ответ. — А что?

— Ну, интересно, настолько ты в этом вопросе осведомлена. Чтобы ненароком еще больше не испугать, — насмешка, прозвучавшая в голосе Минаса, обидела, задевая за живое.

— Я знаю, что происходит между молодоженами, молодой человек. Этому всех в школе учат.

— Да, прости, и в книжках сентиментальных подробности описывают. Прости, любимая, прости, что усомнился, — подтрунивал надо мной Минас, за что получил ощутимый удар кулаком по позвоночнику, от чего спина у любимого сразу выпрямилась, а плечи расправились.

— Все, все, понял, раскаялся, прости, — смеясь, взмолился Минас. — Больше не буду над этим смеяться. Аулерия, ты сама должна понимать, что когда я начну, то остановиться там, на брачном ложе, уже не смогу. Я слишком долго ждал и сдерживался, радость моя. И ты просто убьешь меня своими слезами и криками ужаса. Я же хочу слушать твои сладкие стоны и чувствовать, что ты наслаждаешься близостью со мной. Поэтому и выясняю этот вопрос сейчас, а не потом, когда исправить первое впечатление от самого важного момента будет очень сложно.

— Я справлюсь, — обещала, а сама страшилась.

И чем больше об этом думала, тем увереннее была, что Минас прав, что мы с ним это обсудили сейчас. Книжки книжками, фильмы тоже познавательны, но на практике все может оказаться не так радужно, как казалось мне.

— Замечательно, молодец. Другого я от тебя и не ожидал. Я люблю тебя, моя звездочка, — похвалил меня любимый и встал с кресла.

Весь путь до спальни проделала опять на руках любимого, в этот раз даже не думалась протестовать. К хорошему слишком быстро привыкаешь, а я уже стала потихоньку забывать, что мы с Минасом расставались, и что у нас разница в возрасте большая. Ведь разница только у тел, а души остались те же. И он взрослее, мудрее и умнее меня. Я словно замерла в развитии, отказываясь принимать мир без любимого.

Коридоры опять были таинственно пусты, словно замок вымер. Если бы своими собственными глазами не видела слуг и рыцарей, то подумала бы что мы совершенно одни в этой каменной громадине.

— А где все? — обеспокоенно спросила у Минаса, заглядывая в очередной пустой коридор.

Любимый кинул на меня удивленный взгляд, потом задумался, а я с интересом смотрела, как меняется его очень выразительное лицо.

Для меня было очевидно, что Минас мысленно решал для себя, стоит мне рассказывать или нет. От этой его внутренней борьбы мне стало неудобно. Но, издав очередной тяжелый вздох, он все же произнес:

— Аулерия, а ты разве не видишь, что утро еще не настало. Ты меня, если честно, немного пугаешь. Ты всегда такая, когда не выспишься?

— А, — протянула я, но все равно уточнила. — А где все с корабля?

— В казарме, — получила спокойный ответ.

— А Земер? — поинтересовалась снова.

— У себя в комнате, — немного напряженнее ответил Минас.

— Все равно, должен же кто-то из слуг не спать. Вдруг случится что? Вот как сейчас, например. На нас чуть не напали, а все спят. Как-то это неправильно все.

— На это есть часовые. Аулерия, к чему такие вопросы? — устало спросил меня любимый, останавливаясь у знакомой двери.

Толкнув ее, Минас вошел в спальню, свет послушно зажегся под потолком.

— Просто, я думала, что слуги в замках должны всегда быть начеку в любое время суток. У нас тут даже кнопки вызова прислуги нет.

— Да почему нет? — взорвался Минас.

Опустив меня на кровать, сам потянулся к шнурку, который я не заметила, так как он был из такой же ткани, что и балдахин. Дернув за него, любимый обернулся к двери, в которую тут же постучали.

— Войди, — приказал властным голосом Минас.

— Вызывали, Властелин, — низко кланяясь, в комнату вошел слуга, одетый в черную униформу с серым воротником-стойкой.

От удивления рот у меня непроизвольно открылся: вот это скорость. А я-то тут столько времени провозилась, выискивая, как вызвать прислугу!

— Да, Властительница пожелала обновить гардероб, и чтобы про обувь не забыли, — то, как Минас разговаривал с посторонними, пугало холодностью и надменностью.

Это не мой вечно веселый балагур. Он словно надевал на себя маску Темного Властелина, меняясь на глазах.

— Слушаюсь, — отозвался мужчина, даже не подняв головы, все так же склонившись в поклоне.

— Свободен, — и мы снова остались одни.

— Все? — спросил у меня, снова улыбаясь, Минас.

— Нет, — улыбнулась в ответ, продолжая мучить любимого. — Хочу есть.

— И выпить для храбрости? — разгадал мой маневр Минас.

Пораженно уставилась на него, не веря, что он понял мои душевные метания. Кивнула головой, продолжая улыбаться. Улыбка как приклеилась, болезненно сводя скулы.

Потянувшись снова к шнурку, Минас вдруг замер и передумал вызывать прислугу.

— Сам схожу, а ты не усни. Все равно разбужу.

Мне тоже стало стыдно дергать мужчину, который и так только что покинул нас. И довольная подумала, какой же Минас у меня заботливый. Хоть и разговаривает с прислугой холодно, а все лишний раз не дергает.

И вот в такой мечтательно — романтический момент я заметила его. Письмо! Оно висело около шпор, чуть прячась за ними. Не задумываясь ни секунды, подбежала и схватила еле видимое, а точнее сказать, видимое только мне письмо. Вернувшись к кровати, села и нажала на печать — две птицы — знак семьи Артемиды.

Письмо раскрылось, создавая вокруг меня полог. Я словно оказалась в непроницаемом мыльном пузыре, причем не одна, а с голографическим изображением самого Артемиды, и

он быстро заговорил:

— Аулерия, я очень рад, что ты еще жива! Я очень испугался, когда узнал о твоём исчезновении.

В этот момент я отвлеклась на Земера, который пытался пробиться ко мне сквозь полог, но у него это не получалось. Он злился, пугая своими длинными клыками и ярко светящимися голубыми глазами.

— Но Тодеус сообщил, что видел тебя, и что ты сейчас находишься на Черной Цитадели. Я все не мог понять причину, по которой ты так срочно сорвалась туда. И знаешь, я вдруг понял, очень четко понял, что ты тогда сделала и почему столько лет никого к себе не подпускала. Ты ведь его ждала. Я прав? — ревность и боль резали мои расшатанные нервы. Я всегда знала, что он любил и продолжает любить меня, но упорствовала, отказывая ему и прочим ухажерам. Я ведь, честно, верила и не прекращала ждать.

Земер неожиданно оставил попытки пробиться ко мне и бросился прочь из комнаты, догадываюсь, к кому он спешит.

— Я кое-что нашел в архивах библиотеки. Это очень древний ритуал темных. Помнишь, как я всегда ненавидел темных и постоянно просил тебя одуматься на счет Минаса. Но ты не слушала никого, только его. А у меня был повод. Я сам видел, как один темный выпил душу моей старшей сестрички. Аулерия, тебя ожидает то же самое, — мое сердце заледенело, болезненно сжимаясь. — Темные не благородные, как ты считаешь. Они на нас не нападают только по одной причине: мы для них еда и материал для ритуалов. Наши светлые души увеличивают их магический потенциал. А сладкая кровь — эликсир, продлевающий жизнь. Я понимаю, что ты не поверишь, но прошу, прочти ритуал, который ты начала.

И из голограммы ко мне на колени упал свернутый вдвое листок. Дрожащими руками я развернула его. Только строчки размывались от набежавших слез. Я не могла поверить, что Артемид прав, но когда, сморгнув, я сумела прочитать, кровь застыла у меня в венах, а волосы от ужаса зашевелились на затылке.

«Ритуал «Заветное Желание» гласило название. А дальше шло его описание, где жирными буквами выделялись особо важные моменты, такие как невинность, любовь, добровольное самопожертвование.

Тут же вспомнились его слова:

— Ради исполнения заветного желания, ты должна быть готова заплатить очень высокую цену.

— Цену? А у меня совершенно нет денег.

— Это не деньги, это нечто большее...

Большее, намного большее. Теперь я стала понимать значение мимолетно брошенных фраз Минаса.

Только как же не хочется верить, что я для него просто материал для ритуала. Неужели все слова были ложью? Хотя нет. Не ложь — а правильно поданная правда. Он любил меня, как нечто очень ценное, как падающую звезду!

— Поверь, ты станешь для меня звездочкой.

Нежный и такой ласковый шепот разрывал мое сердце на части. Кем надо быть, чтобы

такое свершить?

— Аулерия! — вдруг ворвался в спальню Минас, за его спиной семенил Земер.

Глядя сквозь слезы в такие любимые глаза, я не могла поверить в его вероломство. Но предательство было очевидным.

Минас подошел вплотную к пологу и взмахнул рукой, развеяв магию Артемида. Я не произнесла ни звука, опустошенная горем, наблюдала за моим жестоким возлюбленным. Он встал на колени возле меня, осторожно взял мои ледяные руки в свои горячие ладони.

— Любимая, — позвал Минас, а я покачала головой.

Только не это слово, только не оно. Темный не должен произносить его, он потерял на это право. Только сказать все это у меня не было сил. Горло сдавили рыдания, сдерживать которые я больше не могла.

Как же унижительно чувствовать себя всего лишь вещью, особенным ингредиентом.

— Аулерия, прошу, не предавай меня. Умоляю, любимая, — продолжал взывать ко мне Минас, а я медленно умирала от боли.

Не предавать? Да кто кого тут предал? Что-то подобное я уже наблюдала. Конечно, на корабле!

— Тодеус, я помню все клятвы, что мы давали друг другу. Одна гласит, что ты никогда не предашь меня!

— Ты сам меня предал, сам! Я верил тебе, а ты! Ты бросил меня одного! Как ты мог? Я же так верил тебе.

— Как ты мог? Я же так тебе верила? Зачем, Минас? Неужели только ради этого? — горько прозвучали мои слова.

Я отдала ему листок, который продолжала держать в руках. Минас даже не посмотрел на него, лист просто ярко вспыхнул и осыпался пеплом мне на колени.

— Любимая, верь мне, прошу, — умолял Минас, снова беря мои руки. — Я все сделаю, чтобы мы никогда не расставались. Слышишь? Никогда. Ты же загадала желание, и оно обязательно сбудется.

В душе у меня все взбунтовалось. Конечно, сбудется! Мне же осталось сделать последний шаг: отдать ему свою жизнь.

Мое желание уже сбылось от и до, кроме одного последнего слова. Спасибо бабушке, которая всегда наставляла меня и приговаривала, что желания исполняются так, как ты их загадала, слово в слово, только результат может быть не тот, каким тебе представлялся.

— Аулерия, посмотри на меня, — попросил Минас.

Я подняла на него свой взгляд, сразу же пожалев об этом. Лучше бы я этого не делала, так как в глазах любимого плескалась боль, которая не могла не задевать меня. Всем своим видом Минас просил не оставлять его, не отворачиваться.

— Я не понимаю, — только и сумела прошептать, с силой зажмурившись. Это просто нечестно с его стороны, так страдальчески смотреть на меня. — Зачем все это, зачем?

— Аулерия, я люблю тебя. Помнишь, как мы хотели быть вместе, навсегда?

Кивнула, горько всхлипнув.

— Смотри, звездочка, это тебе, — Минас, сидя на подоконнике, перелезал ко мне в спальню. Делал он это очень неуклюже из-за сжатого в руке букета полевых цветов. —

Доброе утро, соня!

— Доброе, — радостно отозвалась я и, вскочив с кровати, бросилась к брютету, который уже стоял возле окна.

— Вот, держи. Еще с росой, как ты любишь, — прошептал Минас, заключая меня в объятия.

Я прижала цветы к себе, не устояв, зарылась в них носом. Аромат был просто потрясающим, словно я сама сейчас стояла посреди ромашкового поля. Не хватало только пения птиц и дуновения ветерка.

— Спасибо, ты как всегда превзошел мои ожидания, — лучась от счастья, я не знала, как выразить свою признательность, поэтому, пристав на носочки, быстро поцеловала его в щеку и, освободившись от объятий, пошла на поиски вазы, чтобы поставить цветы в воду.

Только никак не могла вспомнить, откуда начать поиски. Мне ведь никто цветы никогда не дарил. И как Минас догадался, что ромашки мои любимые? Как же это все загадочно и романтично.

Озираясь по сторонам, пыталась вспомнить, где же может быть ваза. За спиной Минас тихо посмеивался, но я не хотела признаваться в своей проблеме. Я понимала, что смотрюсь забавно, стоя посреди комнаты с букетом в руках и потерянно озираясь по сторонам.

— Звездочка, ты как всегда неподражаема. Что потеряла-то? Вазу?

Обернулась к нему и замерла от удивления, он стоял около стола, на котором красовалась ваза, только не моя. Эта была настоящим произведением искусства.

— Я думаю, мой букет потеряется в этой красоте, — поделилась своими сомнениями.

— Как скажешь, — и ваза полетела в окно, а на ее место Минас, словно настоящий фокусник, поставил, достав из-за спины вазу попроще из темно-синего стекла.

— А та разбилась? — расстроено уточнила у Минаса.

— Звездочка, ну ты определись, какую хочешь эту или ту.

— Мне обе нравятся. Жаль, если та разбилась, — не понимая веселья любимого, обиженно сказала ему.

Подойдя к столу, поставила букет в вазу, шепча заклинание создания воды. Расправила красиво цветы, чтобы букет казался еще пышнее, и незаметно для себя оказалась в ловушке Минаса. Его сильные красивые руки опирались о стол с двух сторон от меня. Почувствовала, как он прижался ко мне, положив подбородок мне на плечо.

— Тебе понравился подарок? — теплое дыхание защекотало ухо.

Рассмеявшись, попыталась уклониться от приятной щекотки, но мужские руки тут же обхватили меня за талию, никак не отпуская.

— Не шевелись, — попросил Минас, вжимая меня в себя. Это было так восхитительно, что от блаженства прикрыла глаза, тая от такой близости с Минасом.

— Как же я не хочу с тобой расставаться. Вечность, как бы мне хотелось выиграть для нас целую вечность, моя любовь. Только ты и я. Давай сбежим на край вселенной ото всех, чтобы никто не нашел? И будем наслаждаться нашей любовью.

— Тебе что-то угрожает? — испугавшись за любимого, спросила у него, одновременно поворачиваясь в его руках.

— Все хорошо, — я слышала печаль и безысходность в его голосе, но не понимала причины.

Спросить, что с ним, я не успела, так как двери распахнулись и в комнату ввалились остальные ребята. Артемид с ходу стал возмущаться:

— Аулерия, ну сколько можно тебя ждать? Скоро занятия, а ты даже не одета!

Испуганно ойкнув, я попыталась укрыться от глаз веселящихся парней. Минас, конечно, меня закрыл, но все равно было стыдно. Одно дело, когда меня видит в таком виде любимый, а другое, когда все остальные.

— Кто вас пустил в женскую общагу? — возмутилась, недовольно глядя из-за спины Минаса на Артемида.

— Ну, это же я! — самодовольно улыбнулся староста класса, весело подмигивая.

— Выйдите, мы сейчас спустимся, — строго бросил Минас парням.

— Эй, голубки, только недолго, — весело крикнул Арадиэль, уводя остальных за собой.

Последним выходил Артемид, его взгляд остановился на цветах. Усмехнувшись, он обратился к Минасу:

— Так это ты, темный, первогодок заставил на заре цветы рвать, солгав, будто это очередное вступительное испытание в клуб?

Удивленно вскинула голову и успела заметить искорки веселья в глазах любимого. Стукнула его по груди, но Минас прижал меня к себе крепче, чтобы я не буюнила.

— И кстати, это не из твоего окна, Аулерия, вазы вылетают? Ректору чуть на голову не упала. Так что, готовься, — многообещающе закончил Артемид и прикрыл за собой дверь.

— Минас, — ужаснулась я предстоящему выговору.

— Аулерия, я возьму вину на себя. Тебе ничего не угрожает, успокойся любимая. Не надо портить такое прекрасное утро, — опять очень тоскливо произнес Минас, все никак не желая расцеплять свои руки.

Я поверила и уткнулась лицом в его рубашку, вдыхая такой непередаваемый мужской аромат.

Очень непривычно было видеть Минаса чем-то опечаленным, это не могло не беспокоить меня, заставляя задуматься о причинах его настроения.

— Я уверена, что ты сможешь выиграть для нас вечность. Я верю, что все у тебя получится, — попыталась приободрить любимого, но вместо этого он лишь еще сильнее сжал меня в объятиях.

— Если бы я только мог, — чуть слышно прошептал Минас. — Ты бы хотела прожить со мной вечность? Ведь это так долго.

Удивилась глупости вопроса.

— Конечно, я мечтаю прожить с тобой вечность. Я же люблю тебя, — с жаром ответила ему, пытаясь достучаться до него, желая стереть привкус безысходности, который оставался после каждого слова Минаса.

— Я тоже, только иногда любовь умирает быстрее, чем заканчивается жизнь, — не унимался любимый, обижая меня своим недоверием.

— Моя любовь не умрет никогда! — уверенно произнесла, твердо глядя в его красивые и такие печальные глаза.

— Моя тоже. А раз так, то нам поможет только чудо...

— Помню, — прошептала, глядя в черные глаза, — ты сказал, что нам поможет только чудо. И для этого чуда ты собираешься меня убить?

— Нет, я подарю тебе жизнь, — Минас все сильнее сжимал мои ладони, не замечая, что делает мне больно.

Я даже не поморщилась, продолжая выяснять правду.

— Тебе нужна моя душа.

— Да, только твоя. Ты моя звездочка, и никто мне больше не нужен. Я сплету наши души вместе. Мы никогда больше не расстанемся, я обыграю вечность. У меня получится, только нужно, чтобы ты не сомневалась во мне. Ты должна быть со мной до конца, Аулерия. Не предавай меня, прошу! Ты мне нужна, любовь моя, — с жаром шептал Минас и прижимал мои ладони к своим губам, оставляя на каждом пальчике нежный поцелуй.

Кожу слегка покалывало там, где касался любимый губами. В этот миг хотелось просто уснуть, уснуть, забыв о письме. Зачем я вообще о нем узнала? Даже если Минас хочет меня убить, я прожила бы счастливо в неведение свои последние секунды жизни. Только Артемид мог омрачить нашу радость с любимым.

— Аулерия, — снова подняла взгляд, попав в ловушку магнетических черных глаз, утопая в теплой нежности.

Я терялась в раздумьях. Конечно, я могу поверить Артемиду и всю жизнь потом сомневаться, а вдруг ошиблась, и жалеть о несбывшейся любви. А захочу ли я тогда жить без него, без любимого? Поверить Минасу и, может быть, погибнуть? Погибнуть, но еще хоть чуть-чуть побыть с ним, любить его, ловить на себе его обожающие взгляды. Наверное, я выбрала бы второе. Рискнула бы всем. Все равно без Минаса я как неживая. А так есть шанс. Всегда есть шанс в последнюю секунду загадать заветное желание.

Сердце сдалось первым, потом с новой силой хлынули слезы, и я, вырвав руки из горячих ладоней Минаса, порывисто обняла его за шею, понимая, что никогда не могла и не смогу отказать от него. Даже если это погубит весь мир...

— Любимая, — сама поразилась, как обрадовалась облегчению, с которым прозвучал чуть слышный шепот Минаса.

Он крепко меня прижал к себе, стягивая с кровати на пол, не переставал целовать меня в волосы, успевая вставлять ласковые слова, благодаря меня, что не сдалась.

Зажмурившись, тихо всхлипнула, боясь хоть на секунду разжать объятия. Так отчетливо для себя поняла, что не хочу возвращаться в тот мир, где нет моего любимого. Не хотела снова быть лишь тенью, на которую все смотрят не иначе, как с жалостью.

Посидев так еще немного, я, наконец, стала успокаиваться. Минас отстранился и, обхватив ладонями мое лицо, поцеловал. Сначала осторожно, но потом все больше распаясь. От страсти у меня голова закружилась так, что невольно пришлось схватиться руками за плечи любимого, чтобы не потерять себя в пучине обрушившихся на меня чувств. Страх, сомнения и боль смывались, уходя прочь. Сердце вновь забилося быстрее от щемящего счастья и любви, которые его переполняли.

Остановились мы из-за того, что закончился воздух. Тяжело дыша, я не могла насмотреться на самого красивого мужчину, которого когда-либо видела в своей жизни.

— Господин, вино для госпожи и фрукты, куда поставить? — вдруг рядом раздался услужливый голос Земера.

Минас скривился как от зубной боли, но быстро исправился и, улыбнувшись, обратился ко мне:

— Ты еще не передумала по поводу брачной ночи?

Вспыхнув от смущения, я зашипела на любимого:

— Обязательно при всех-то?

Земер замер и удивленно воззрился на меня. Минас тоже сначала опешил, потом чуть кашлянув, нерешительно переглянулся с советником. По лицу блондина что-либо понять

было невозможно, но их явно что-то насторожило в моих словах. Поразмыслить над этим не успела. Обернувшись ко мне, любимый вновь расцвел озорной улыбкой и ответил:

— Обязательно, чего стесняться? Ты красавица, я тоже неотразим.

— Да причем тут это? — возмутилась я, недовольно сверля Минаса взглядом.

— Аулерия, все будет хорошо. Я же обещал тебе. Тебе вино оставить или унести?

Земер, ожидая, смотрел на меня, а мне так ужасно пить захотелось, что не смогла удержаться и кивнула головой.

Поднос опустил на пол рядом с Минасом, и Земер наконец покинул нас, не переставая оборачиваться и кидая таинственные взгляды. Меня одолело нестерпимое желание запустить в него чем-нибудь тяжелым, чтобы косоглазие у него навсегда появилось! Шпик противный.

— А это правда, что Земер всегда со мной был все эти восемнадцать лет? — уж очень мне хотелось знать, правду говорил мне тогда блондин или соврал.

— Ну, не всегда, он присматривал за тобой, чтобы я не потерял тебя.

— А тебя не смущает, что он постоянно облизывается на меня? — съязвить у меня получилось само собой, даже сама не ожидала такого от себя.

— Ты сладкая, но он не прикоснется к тебе, обещаю.

— Минас, — вдруг осознала, насколько правдивы были слова Артемида. Темные пьют нашу кровь! — А моя душа много прибавит тебе сил?

— Аулерия, — осуждающе и устало произнес Любимый, протягивая мне наполненный бокал. Забрала его и тут же взвизгнула. Минас ловко поймал меня за талию, и, разворачивая к себе спиной, усадил меня между вытянутыми длинными ногами. Я чуть не разлила вино! Любимый придвинул тарелку с фруктами ближе, чтобы я смогла до них легко дотянуться.

— Звездочка, как ты думаешь, зачем ребята, дружившие со мной все годы обучения, решили распять меня на темном алтаре?

— Зачем? — приготовилась услышать утаенную от меня правду.

— Развеяв мою душу, все, кто был в той пентаграмме, получили бы частицу моей силы. Этого, поверь, было бы достаточно, чтобы они стали высшими магами. Даже догадываюсь, как Артемид повысил свой резерв за такой короткий срок. Так же и светлая душа увеличивает темный резерв.

— Он всегда был сильным магом! — не согласилась я, защищая друга.

— Любимая моя, ты даже не представляешь, насколько не права. Он всегда был слабым, слабее Тодеуса. Единственное в чем он преуспел — это в манипулировании людьми, незаметно для них самих же.

— Не может быть, — пораженно прошептала, не веря в лицемерие друга.

Это как-то не укладывалось в образ Артемида, он всегда был внимательным к другим, пытаюсь помочь и поддержать.

— Может, — сказал, как отрезал, Минас и пригубил из своего бокала.

Я вспомнила, что хотела пить, и повторила за любимым. Вкус вина мне понравился, оно хоть и было крепким, но приятным и густым, оставляя после себя знакомое послевкусие, только никак не могла вспомнить, какое вино оно мне напоминает. Но точно, я такое уже где-то пила.

— Как называется вино? Знакомые нотки, не могу распознать, — спросила у любимого, разглядывая на свет содержимое бокала.

— Любовные сети — очень старое вино, и, навряд ли, ты его раньше пила, — тихо

посмеиваясь, пояснил Минас.

— Ну вот, а я хотела блеснуть своими знаниями! — обиженно воскликнула я.

Сделав очередной глоток, стала перекачивать вино на языке, определенно, узнаваемый вкус присутствовал.

— Это семейное вино, рецепт хранится в строгом секрете, и оно только для нашей семьи, — доверительно и даже с гордостью ответил любимый.

Взяв дольку нарезанного яблока, он протянул ее мне, я, поблагодарив, откусила кусочек. Вино приятно расслабляло, хоть и выпила всего ничего, но тело стало ватным, а тяжелые веки стали закрываться.

— Давай выпьем за нашу долгую счастливую семейную жизнь, — предложил тост любимый, и я, собрав волю в кулак, отсалютовала ему, сделав последний глоток, после которого уснула, чувствуя, как бокал выскользывает из моей руки.

— Аулерия — позвал Минас, но ответить я уже не могла, лишь удобнее устроилась у него на груди. — Моя звездочка...

Неприятный гул никак не давал поспать. Он то усиливался, то затихал, словно морской прибой, разбивающийся о камни, выдергивая меня из сладкого плена сна. Лежать было неудобно, матрас словно был с пролежнями, болезненно впивался в спину. Странно, что у Минаса такая древняя кровать, а с виду очень удобная и мягкая. Хотела перевернуться на бок, но не смогла. Громкий звук металла сопровождал любое мое движение, и руки, закинутае за голову, у меня не получалось опустить. Я была прикована. Испуганно распахнув глаза, с удивлением обнаружила себя в темной до боли знакомой комнате.

— Минас, — позвала я и задергалась в панике, пытаюсь освободиться.

— Аулерия, я тут. Прости, не думал, что ты так скоро проснешься, — успокаивающе произнес любимый, склоняясь надо мной и обхватывая лицо ладонями.

— Минас, — страшная догадка поразила меня, — Минас.

Только и могла жалобно повторять его имя. Понимала, что умолять его не было смысла, но все же не могла себя заставить замолчать.

— Тихо, тихо. Все хорошо, любимая. Все хорошо.

Гул опять нарастал, и я даже стала различать слова. Заклинания? Кто-то хором пел заклинания?

С трудом повернув голову на бок, оглядела насколько хватало взгляда, погруженную в темноту комнату. Как бы я не присматривалась, никого не смогла увидеть. Но я понимала, что они — верховные магистры — там были и продолжали петь! Тьма, как в насмешку, надежно укрывала присутствующих. Она затаилась у самой кромки света, который был приглушен. Его силы хватало лишь на то, чтобы освещать только алтарь, на котором я, прикованная, и лежала.

— Звездочка, — привлек к себе мое внимание Минас, силой поворачивая мое лицо к себе, — все хорошо, любимая. Я люблю тебя.

— Минас, я не хочу так, — прошептала ему, часто моргая от набежавших слез.

— Только так, любимая. Иначе не получится, — непреклонно ответил Минас, склоняясь к моим губам. — Мы должны пройти через это. Им необходимо засвидетельствовать наш союз, и тогда ты станешь полноправной Властительницей. Я наполню тебя своей Тьмой.

Слушая успокаивающий и нежный шепот любимого, я практически доверилась, пока не расслышала последнюю фразу.

— Тьмой? — в ужасе переспросила, чувствуя, как внутри у меня все заледенело.

— Я же сказал, что все поправимо, и ты снова станешь полна сил, как и прежде.

— Нет, Минас, не как прежде. Я светлая!

— Была, звездочка, ты была светлой. А сейчас моя кровь в тебе. Ты же сама знаешь, что я темный, и ты становишься с каждым ударом сердца темной, — ласковый голос обольщал, заставляя тянуться к нему.

Мысль о том, что во мне разрастается Тьма, билась испуганной птицей. Тьма, такая запретная и непонятная, о которой светлые говорят, понижая голос, боясь привлечь к себе ее внимание. Тьма, которой пугают непослушных детей, дарящая нам ночь и все страхи, приходящие с ней. И эта Тьма сейчас во мне! Дыхание сбилось, когда я увидела, как надо мной склоняется не только Минас, но и Она! Сгущаясь с другой стороны, все ближе опускаясь. Она живая, самая настоящая Тьма.

Пусть и клялась пойти за ним куда угодно, но падения во Тьму я не предполагала. Все внутри меня противилось мысли, что я предаю свет. С детства нас учили, что в любой ситуации нас спасет свет, свет души найдет путь к спасению. И я могла лишь молиться, чтобы моя душа нашла, наконец, его, тот незримый путь для меня и любимого.

Возникшее вдруг любопытство, не могло принадлежать мне. Я боялась, мне было очень страшно, чтобы еще чем-то интересоваться. Я хотела лишь сбежать от участи, что приготовил мне Минас. Но чужое чувство заставляло внимательнее следить за ожившей Тьмой, не упуская ни одной детали.

— Все хорошо, звездочка, — прошелестел шепот Минаса.

Замотала головой, отказываясь верить его словам. А как могло быть иначе, если видела, как Тьма склонялась все ниже. Я даже могла различить женский силуэт, если конечно, это не мое воображение решило сыграть со мной злую шутку.

Неожиданно Тьма протянула в мою сторону руку. Отпрянуть от нее не дал Минас, надежно удерживая меня на месте. Рука, словно сотканная из полупрозрачных нитей ночного неба, завораживая, переливалась на свету. Она медленно опустилась сверху на руку Минаса, на которой он носил перстень. Испуганно вскрикнула, когда на моих глазах от камня заключенная в нем Тьма, пустила в разные стороны устрашающие щупальца. Они хищно расползались, опутывая меня, болезненно впиваясь в кожу.

Но мое внимание, привлекло странное жжение в груди. Там, где билось учащенно сердце, прямо под ладонью Минаса, внутри меня медленно разрасталось пламя.

Паника захватила сознание! Забившись, я пыталась скинуть с себя его обжигающую руку. Срывая голос, я молила своего мучителя остановиться, прервать пытку и не слушала шепот, уговаривающий меня потерпеть. Боль с каждой секундой становилась все сильнее, желая захватить все мое тело. Кровь, словно превратилась в лаву, выжигая меня изнутри.

— Еще чуть-чуть, звездочка, терпи. Сейчас все пройдет, любимая. Потерпи немного, — твердил Минас, но боль не проходила. Она была ему не подвластна, она сводила меня с ума, заставляя рыдать в голос и умолять, наплевав на гордость.

Когда казалось, что у боли нет предела, и муки мои будут длиться вечно, все резко закончилось. Миг — и оглушающая тишина. Тьма никуда не делась, она так и склонялась надо мной. Но теперь я могла четко видела ее прекрасное лицо. От нее пришла одобряющая волна, нежно укрывая теплым покрывалом умиротворения и спокойствия. Мое тело все еще вздрагивало от перенапряжения. Слезы уже все высохли, но перестать судорожно всхлипывать не получалось, как и оторвать взгляд от ее добрых бездонных глаз. В них

отражалась вся необъятная Вселенная, затягивая в глубину, маня к себе.

— Властелин, время, — вдруг услышала голос Земера, — надо торопиться.

Испуганно всмотрелась в осунувшееся лицо Минаса. Он выглядел плохо, встревоженно глядя на меня, боясь убрать руку, и, не переставая, гладил меня по волосам.

— Властелин, — был настойчив советник.

— Отстань, — недовольно бросил ему Минас, не оборачиваясь.

Тьма успокаивающе сжала плечо Темного Властелина, но и на это он никак не отреагировал, продолжая пристально рассматривать меня.

— Но время, Властелин. Время уходит, — не желал отступить Земер, чем изрядно нервировал меня.

Прислушиваясь к себе, я осознала, что больше не боюсь. Страх исчез бесследно, мне было хорошо и любопытно, только в этот раз это было мое чувство. Мне хотелось знать, что со мной произошло несколько секунд назад. Ведь я, по-моему, ничуть не изменилась, только стала более наполненной, цельной. Холодная пустота, что стала уже привычной, больше не тревожила.

— Властелин, я настаиваю. Надо спешить, — назойливость Земера начала меня беспокоить.

Они еще что-то приготовили для меня, и это еще не конец? Встретилась взглядам с Минасом, он стоял с серьезным лицом, упрямо поджимая губы, и медлил.

— Минас, — хотела позвать я, но голоса не было, из горла вырвался лишь хрип.

— Вино дай, — резко приказал Минас, оглядываясь через плечо на Земера.

Он меня больше не гладил, и тревога, наконец, исчезла из красивых черных глаз Властелина. Минас с облегчением прижал меня к себе, нисколько не заботясь о моих прикованных руках, в которые терпимо, но болезненно впивались кандалы.

Хотела отругать его, высказав все, что накипело, но тут Тьма, по-матерински ласково улыбаясь, погладила меня по голове.

— Властелин, умоляю, придите в себя. У нас случилось очень мало времени, — ворчливо произнес Земер, появляясь со знакомой бутылкой в руках.

— Советник, — тихо прошипел Минас, не отпуская меня от себя, — я столько раз тебе говорил, что я терпеть не могу твое занудство. Но ты меня словно не слышишь.

— Я все это делаю ради империи! Если бы я слушал вас, когда вы были в младенчестве, то где бы оказался ваш престол? — Земер как мальчишку отчитал Минаса, который хоть и кривился, но не возразил ни слова.

Наблюдая за препирающимися мужчинами, я с удивлением для себя поняла, что присутствия Тьмы, никто из них не замечал. Ее видела только я!

Удивленно перевела на нее взгляд, а она покачала головой.

— Только ты, — невообразимо волшебный, другого слова не подобрать, чтобы описать звучание ее голоса.

Я хотела было спросить, что от меня еще хочет Земер, но Тьма, приложила палец к своим губам и вновь покачала головой. Это меня не остановило, я упрямо открыла рот, приготовившись идти до конца и добиться правды. На что Тьма неожиданно опять стала безликой и схлынула волной, возвращаясь за круг света.

— Земер, я тебя только из-за этого еще и терплю, — привлек к себе мое внимание Минас, осторожно опуская меня на алтарь. Камень вновь неприятно впился в спину.

— Хоть бы матрац постелили, — прошептала я, пытаюсь устроиться поудобнее.

— Я говорил вам, что она не справится, — неожиданно недовольно произнес Земер, — лучше бы я ее выпил. Проблем меньше.

Минас вспыхнул, от чего я громко взвизгнула. Теперь передо мной стоял не кто иной, как Темный Властелин. Он обернулся к Земеру, который подобострастно склонился перед ним.

— Не смей даже предлагать подобное мне. Я предупреждал тебя, что с тобой будет, если притронешься к ней! — взревел Минас.

А я, глядя с вожделением, не могла оторвать взгляд от красивых огненных крыльев. Я помню их силу и мощь, я помню, как они пели на ветру.

— Я быстрее! — кричала я любимому, который отстал от меня, не в силах поймать.

— Все равно догоню, — задорно, перекрикивая ветер, пообещал он, быстрее размахивая крыльями.

Свист в ушах, адреналин в крови и буря эмоций — все это ночные гонки над Бескрайним морем. Нет ничего прекрасней, чем ты, любимый, небо и свобода действий.

Ветер опьянял, маня за собой, нежно лаская волосы. Еще один рывок и я вновь оказалась первой на Одинокой Горе — на каменной глыбе высоко поднимающейся над водой.

Вскинула руки кверху, крича от радости, что испытывает победитель.

— Я-а-а-а! — крик перешел в довольный визг. Минас все же меня догнал и сбил с горы, перехватывая за талию, вознес в ночное небо.

— Звездочка, я уже оглох! — взмолился Минас, страдальчески закатывая глаза.

Зависнув в воздухе, он, удерживая меня одной рукой, демонстративно прочистил пальцем ухо. Я рассмеялась и неожиданно ухнула вниз. Визг разнесся в ночной тиши. Я даже зажмурилась, позабыв от испуга все заклинания, которые меня могли спасти.

— Упс! — произнес веселящийся брюнет, поймав меня практически у воды.

— Минас! — недовольно крикнула ему. — Я чуть не умерла от страха!

— Прости, любимая, но ты умрешь точно не от страха. Ну что, домой? — предложил этот напыщенный индюк и, так и не извинившись, полетел со мною на руках в сторону берега.

Выныривая из прекрасных воспоминаний, я поняла, что Минас уже успокоился, спрятав крылья, и несколько раз позвал меня по имени. Перед собой я видела бокал, наполненный до краев, Минас придерживал меня за голову и пытался напоить. В горле все пересохло, но пить опять это вино я поостереглась, поэтому демонстративно отвернулась, плотно сжав губы.

— Аулерия, — очень устало произнес Минас.

Замычав для убедительности, мотала головой, пока Минас не убрал от меня обманчивое вино. Повернулась лицом к мужчинам, Земер меня смерил недовольным взглядом. Ну и пусть, на меня такие взгляды не действуют. Ну, действуют, конечно, но только не его!

— Не справится она, — тихо сказал советник, тяжело вздыхая.

— Справится, — холодно ответил Минас и ласково мне улыбнулся.

— Не дают покоя мне сомнения, — продолжил ныть Земер. — И времени, как назло, практически, нет.

— Она справится, — твердо сказал любимый, ну почему даже сейчас я продолжаю

верить, что он меня любит. — Моя звездочка сильная, она все выдержит. Да, Аулерия?

— Смотря что, — решила все же ответить, а то их диалог начинал надоедать.

— Как это, что? — возмутился Земер. — Ты должна все выдержать! Ты же любишь его!

Такой наглости я не ожидала. Набрав побольше воздуха, я придумала уже самые ужасные слова и ругательства, на которые блондинистая зараза нарывалась с первых минут нашего знакомства. Правда, Минас меня опередил, пригубив из бокала, прижался ко мне губами, вливая вино в мой рот!

Второй раз этот номер не прошел. Я сопротивлялась, как могла, но зажатый нос был сильным аргументом, чтобы сглотнуть, пока не задохнулась.

— Минас, так нечестно!

— Прости, но так лучше для тебя. Еще выпей, или я продолжу тебя поить, — довольно улыбаясь, сказал Минас, медленно поднося бокал к своим губам.

— Я сама, — решила я, понимая, что так от меня быстрее отстанут.

И что это за казнь такая. Уже лежу не знаю сколько, а он все время тянет, которое, как говорит Земер, заканчивается.

«Ой, оно же заканчивается!» — неожиданно пришло просветление.

Бокал услужливо поднесли, я, как могла, пыталась к нему пристроиться, но лежать это сделать было крайне сложно. То голова не так нагибалась, то бокал слишком сильно накренили, один раз чуть не захлебнулась. Короче, я честно старалась, ибо время неумолимо заканчивалось.

— Да, дай ты ей уже из горла! — не выдержал советник, протягивая бутылку.

Вот гад! Надо было тебя добить, а нет, пожалела!

— Минас, я не хочу умирать во сне! — взбунтовалась я. — Я хочу видеть твои лживые глаза.

— Да почему...

— Да, уж. Выспалась уже. И так, практически, все проспала, — ворчливо вставил Земер, за что получил очень гневный взгляд от меня.

Они меня тут в жертву решили принести, а я еще и виновата, что чуть не проспала такой значительный миг своей кончины.

— Минас вообще сказал, что я рано проснулась, — услышала свой наглый голос, словно со стороны, поражаясь самой себе.

— Да рановато, — согласился Властелин, задумчиво рассматривая бутылку в своих руках, — во сне не так было бы больно принимать силу. Ты отторгала Тьму, сопротивлялась. Из-за этого было так больно. Прости, буду знать, что тебе надо больше, чем три глотка. Так что, звездочка, давай еще пять глоточков, а то больно будет.

— Что? — не поняла, о чем он говорит.

Это он таким образом пытается уберечь меня от боли, когда нож в мое сердце вонзаться будет? Он, наверное, прав. Ведь кому, как не Минасу, знать, каково это! Перед взором предстала картина нежно улыбающегося мне любимого на этом же алтаре, осыпающимся пеплом.

Сдалась, понимая, что так же улыбаться ему не смогу. Для этого мне надо обязательно выпить.

Когда мой мучитель попытался напоить меня прямо из бутылки, я недовольно нахмурила брови. Минас понял молчаливый протест и наполнил вином бокал. Придерживая меня за голову, он заставил выпить все до дна, напоследок наградив за послушание

поцелуем. Он был таким дразнящим и страстным, что я не сумела сдержать сладострастный стон.

— Аулерия, — выдохнул Минас мне в губы, обжигая своим дыханием.

— Минас, — вторила ему, желая, чтобы он не останавливался.

— Любимая, моя сладкая звездочка, — шептал любимый, покрывая мое лицо легкими поцелуями.

Но не этого я хотела. Застонав, пыталась поймать эти ускользающие нежные губы.

— Потерпи немного, потерпи, я сейчас, я быстро, — бессвязно шептал Минас, а я от досады готова была разрыдаться. За что он так со мной?

— Опять терпеть? Да сколько можно? Я не хочу больше терпеть! Сжался, Минас, прошу, — застонала в ответ.

— Звездочка, — прошептал Минас, обхватывая ладонями мое лицо, и наконец-то подарил мне такой желанный поцелуй.

Мысли путались от страсти, сердце бешено билось в груди, изнывая от желания быть ближе. Хотелось прижаться к нему, почувствовать его горячее тело. Зарыться руками в шелковые волосы. Громкий звук металла привел меня в чувство. Словно холодной водой окатило с головой. Он меня приковал, хочет убить, а я тут как последняя!

Чуть не задохнулась от ужаса, поражаясь своему падению. Тяжело дыша, всматривалась в затуманенные вождедением глаза любимого.

— Время, Властелин, время, — напомнил Земер Минасу, тормоша его за плечо.

В ответ глаза любимого заволокла Тьма, завораживающе клубясь. Я залюбовалась этой красотой.

Любимый вновь быстро поцеловал. И обернувшись к блондину, взял из его рук жертвенный нож.

«Ну, все, пора прощаться с жизнью», — пришла печальная мысль, и только.

С удивлением стала искать в себе иррациональный страх и чувство самосохранения. Но их не было, только безграничная любовь — всепрощающая и вседозволяющая, томление во всем теле и несвойственное мне любопытство.

Я с замиранием сердца следила, как Минас обошел каменный алтарь и стал медленно подниматься на него. Когда он в полный рост встал около моих ног, я смогла разглядеть его одеяние. Черная шелковая мантия была подпоясана массивным кожаным ремнем, украшенным такими же самоцветами, как мой пояс на церемонии бракосочетания. А понизу шла вязь красных темных символов.

Кстати, меня так и не переодели, я все еще была в длинной юбке, которая немного задралась, открывая всем желающим прекрасный вид на мои стройные ноги.

— Я люблю тебя, звездочка. Ничего не бойся, будет больно, но ты вытерпишь, я обещаю, — опять обратил на себя мое внимание Минас.

Лучше бы он молчал, я еще больше стала беспокоиться за себя. И нож в его руках зловеще блестел.

Вот интересно, а я сразу умру или еще буду жить, пока кровь циркулирует по венам. Что за мысли опять посещают меня, я должна бояться. Просто обязана!

Минас опустился на колени, раздвигая мои ноги. Страшные подозрения родились от этих мимолетных, но таких обжигающих прикосновений. Он что, не в сердце будет нож вонзать? А куда?

Задавшись этим вопросом, стала примериваться на глаз, куда может он дотянуться из

этого положения. Получалось — в живот. Он мне кишки, что ли, хочет выпотрошить? О таком я не читала в книгах. Это что-то новенькое.

Но Минас придвинулся еще ближе, полностью располагаясь между моих ног.

Как все таинственно и непонятно! Ну, теоретически конечно, можно до сердца теперь дотянуться, а возможен процент промаха. Садист! Я уже представила, как я буду орать от боли.

Ласково глядя мне в глаза, Минас, соблазнительно улыбнулся, от чего я облизала вдруг пересохшие губы, и медленно стал сдвигать юбку еще выше, аккуратно разглаживая ее на талии.

— Аулерия, опять белые кружева? — шепотом спросил любимый, подмигивая мне.

— Да, ты же так и не приобрел для меня нижнее белье. Пришлось надевать белое.

— Оно тебе ни к чему, — и опять я почувствовала, как осталась голой.

— Минас! — недовольно вскричала, пытаюсь свести ноги.

Но мужчина тихо рассмеялся, не давая мне этого сделать. Гневно воззрилась на него, пытаюсь прожечь в нем дыру. Властелин, продолжая улыбаться, приподнял нож, чтобы точным движением провести по своей ладони. Кровь бордовыми каплями стали падать мне на кожу туда, где внутри уже все горело.

— Минас, — тревога за любимого коснулась сердца.

А кровь все текла и текла, щедро орошая меня. Чувствовала, как она медленно стекает по коже на алтарь.

— Минас, перестань, прошу! — смотреть, как истекает любимый, было выше моих сил. В ответ мне подарили очередную одобряющую улыбку.

— Прошу, — беззвучно прошептала ему.

И он сжалился — медленно слизал кровь с ладони, потом показал абсолютно здоровую кожу.

Я смогла облегченно выдохнуть и спокойно дышать.

— Земер, начинай, — приказал Минас, отдавая ему нож.

Когда блондин забрал оружие, и любимый распахнул мантию, открывая мне все самое потаенное, до меня, наконец, дошло, чего хочет от меня Минас.

Вот значит она какая — брачная ночь! Забираю слова обратно — это не романтично! Вот ни капли, ни грамма!

Но все мысли вылетели из головы, когда почувствовала, как любимый обхватил руками меня за бедра и стал слизывать с меня свою кровь!

От новых ощущений застонала, тело само выгнулось навстречу обжигающему и ласковому языку. Все внизу живота нестерпимо потянуло, собираясь в одну пульсирующую точку.

— Минас, — молила я, сама не зная о чем. Только хотелось зарыться руками в его волосы, прижаться и не отпускать его.

— Любимая, — слышался жаркий шепот, и разум меня оставил, отступая под натиском желания.

Магистры завывли, а мне показалось, что это нарастающий гул прибоя. Он создавал видимость того, что я не в комнате, а на пляже. Глаза слепит яркое солнце, стоящее высоко в зените, а я лежу на мокром камне.

— Время, — голос Земера опять все испортил, не давая насладиться моментом, напоминая о присутствии зрителей.

— Держись, Аулерия, сейчас будет больно, — прошептал Минас, а я испугаться толком не успела, как нечто большое, горячее и влажное ворвалось в меня, принося с собой эту самую боль. В глазах все потемнело, вскрикнув, задержала дыхание, пытаюсь привыкнуть к ней, разрывающей и пульсирующей.

— Медленно выдыхай, — посоветовал Минас.

Я послушалась, боясь пошевелиться. Любимый уже нависал надо мной, чуть придавливая сверху. Он подул мне в лицо, принося желанное облегчение.

— Любимая моя, как же долго я ждал. Я сейчас так счастлив. Теперь ты моя полностью — и душой, и телом. Только моя, маленькая звездочка, — прошептал Минас, склоняясь все ниже, чтобы подарить очередной умопомрачительный поцелуй.

Опять были жаркие ласки, борьба двух языков, страстные стоны, привкус крови на губах. Я забылась в нежности, что дарил любимый. В животе у меня порхали бабочки.

И даже когда Минас начал двигаться: то проникая в меня, то отступая назад, боль, что отзывалась на каждое движение, не могла заставить оторваться от таких сладких, дразнящих губ любимого.

Мою спину стало нещадно натирать о шершавую каменную плиту, от чего я не удержалась и, сморщившись, зашипела. Попытки принять более удобную позу ни к чему не привели. Да и руки были прикованы, что тоже отвлекало от любовных ласк.

И словно мольбы мои были услышаны — кандалы, громко гремя, упали на пол. Вметнув руки, я зарылась в волосы любимого, как давно хотела, и тут же взвизгнула от того, что Минас меня поднял, придерживая за спину. Сидеть было удобнее и не так болезненно, только щипало все внутри, но я даже не обращала на это внимания. Я была поглощена страстью, в которую хотела погрузиться глубже.

— Властелин, остановитесь, Властелин! — окрикнул нас Земер, за что отлетел, ударившись о стену.

Сипя, словно его душат, он все же сказал:

— Достаточно, не пачкайте алтарь. Крови достаточно.

Для меня вообще смысл сказанного был непонятен. Опустила взгляд вниз, где мы соединялись с Минасом и густо покраснела. Там все было в крови! Даже черные завитки мужских волос характерно блестели на свету.

Мы же уже весь алтарь в крови испачкали. Испуганно взглянув в лицо Минаса, заметила на его губах довольную улыбку. Он не сводил глаз с моего смущенного лица, крепко придерживая меня за бедра.

— Мы к себе, и до завтра нас не беспокоить, — холодно бросил он Земеру, который, вскинув руку, остановил нас окриком:

— Слова! Закончите ритуал!

— Я, Лорд Минас Дамиан, призываю в свидетели всех здесь присутствующих, что сия дева была невинна и добровольно отдала мне себя.

— Свидетельствуем, — разноголосо донеслось из темноты.

— Я, Земер, Советник Темного Властелина, свидетельствую о свершении ритуала жертвоприношения девственной крови. Отныне Аулерия Дамиан является собственностью Минаса Дамиана.

— Кем? — возмутилась я, глядя на довольный оскал Земера.

— Все, мы ушли, — не дал продолжить мне ругаться Минас, перенося нас в спальню.

Как сидели, так, в той же позе, и оказались на кровати.

— Кто я теперь — собственность?

— Конечно, моя: с головы до пят, включая душу. Вся моя, желанная, сладкая маленькая звездочка. Как же я тебя люблю.

— Но ты же меня убить хотел, — обиженно напомнила я ему.

— Да почему ты решила, что я тебя убить хочу? Я столько лет шел к тому, чтобы тебя заполучить, ради того, чтобы прирезать? Что за расточительство драгоценного времени, ты не находишь? — объяснял мне простые истины любимый.

Кивнула головой, признаваясь в своей глупости.

— Ну, тогда продолжим — соблазнительно прошептал Минас, опрокидывая меня на спину. — Я покажу тебе звезды, не выходя из спальни.

Обещание он выполнял исправно. Правда, сначала я потребовала меня отмыть от крови, которая уже подсохла, превращаясь в корку. Минас с энтузиазмом принялся за работу, дрожащими руками пытаюсь расстегнуть маленькие пуговицы на блузке. Когда с третьей попытки ему это не удалось, резко дернул ткань в разные стороны, от чего многострадальные пуговицы улетели на пол. Юбку я сняла сама, уж больно она мне понравилась, и портить стоящую вещь не хотелось.

Теплая вода с трудом смывала кровавые разводы. Я с большим удовольствием водила мыльной губкой по широкой груди любимого, плавно опускаясь все ниже. Его мужское достоинство гордо подставлялось под струи воды, слегка вздрагивая, словно заигрывая. Густо краснея до самых кончиков ушей, я осторожными движениями намылила и его, под тихие стоны Минаса.

— Все, — судорожно выдохнула, когда свою миссию я выполнила, и любимый стоял весь намыленный.

Выхватив губку из моих рук, он щедро налив на нее гель, приступил к моему омовению. Только мытье плавно перешло в интимную ласку, от которой ноги меня отказывались держать.

Обхватив со спины меня за грудь, Минас поцеловал в шею, упираясь сзади чуть ниже спины мужским горячим достоинством.

— В кровать или здесь? — жарких шепот коснулся моего слуха.

— Здесь? — изумилась я.

Я, конечно, читала, что некоторые это делают в душе, только ноги мои были против, в любой момент готовые подкоситься.

— Здесь так здесь.

— Нет, нет, — крикнула я, — я передумала. В кровать.

— Хорошо, тогда в другой раз здесь, — сразу согласился Минас и, выключив воду, на руках понес меня в спальню, на ходу высушивая нас обоих.

На шелковых простынях Минас показывал мне всю глубину своей любви, ее многогранность и запредельность. Я не только звезды увидела, но фейерверк и красные точки. Я даже молила остановиться и оставить мое бедное тело в покое. Властелин был неумолим, продолжая свою сладострастную пытку. Только после того, как я стукнула его по рукам, Минас внял моим мольбам и согласился отдохнуть, но не долго. Я, конечно же, была рада, и бесстыдно уснула. Этот день слишком был длинным и насыщенным.

— Она спит уже вторые сутки, — недовольный голос вырвал меня из сна.

— Скоро проснется, не надо так нервничать, — голос Земера я узнаю среди многих. Решила глаза не открывать и послушать, что они опять задумали. — У нее организм перестраивается, резерв наполнился лишь наполовину. Все прошло, как положено, она будет самой лучшей Темной Властительницей. Вы лучше скажите, что со светлыми делать, казнить через расстрел или иссушить?

— Выпей их, если так хочется, — равнодушно отозвался Минас. Послышались тихие шаги, и кровать рядом со мной ощутимо прогнулась. — Земер, я все равно пока от нее ни на шаг не отойду.

Тяжелый вздох с другой стороны, и снова эти нудные интонации в голосе:

— Я не понимаю вашей нездоровой привязанности к этой девушке. Мне казалось, что мальчик был ярче.

— Я ее люблю. Жаль, что вам — детям ночи, этого не понять, — услышав это признание, чуть не выдала себя радостным криком. — А Тодеус бы не смог. Сам же видел, как он сломался под тяжестью обстоятельств. В таких случаях лучше ставить на девушек: нежных, ранимых и верящих в сказки. Только они могут ради любимого пойти на все.

От удивления глаза у меня сами собой распахнулись, и я уставилась на Минаса, который так же удивленно глядел на меня.

— Я у тебя была не одна? — спросила у этого... Темного Властелина.

— Звездочка, ты проснулась, — радостно улыбнувшись, протянул любимый.

— Я спрашиваю, я у тебя была не одна?

— Конечно, не одна, вас, таких наивных дурочек, было три штуки и мальчик Тодеус, — сдал Минаса Земер. — Я, если честно, не верил, что ты справишься. Но Минас всех отмел и вплотную занялся тобой.

— Зачем? Для чего? — боль опять сжала своими холодными пальцами мое сердце.

— Да, что тут непонятного, — изумился блондин.

— Земер, выйди, — устрашающе сказал Минас.

Советник поклонился и, преисполненный гордости, оставил нас одних.

Стоило дверям закрыться за спиной блондина, как Минас, пододвигая меня, разлегся рядом и прижал меня к себе, не замечая ни возмущенного крика, ни гневного взгляда, который я бросила на него, ни обиженно поджатых губ. Минас просто уткнулся мне в волосы и тихо прошептал:

— Аулерия, я расскажу тебе сказку. Ты сама все поймешь. Только прошу, внимательно послушай. Давным-давно, когда не было светлого королевства...

— Как это, не было? — спросила я, точно помня, что Светлая Федеративная республика существовала с темных времен, когда наши предки еще не только магией не пользовались, но и колеса не изобрели.

— Не перебивай, — приказал Минас, прокравшись ко мне под одеяло. Его рука скользнула по шелку моей сорочки, в которую на меня кто-то надел, пока я спала. — Иначе сказку не услышишь и будешь потом в этом винить только себя. Давным-давно, когда не было светлого королевства, жил да был маленький мальчик, которому было ужасно одиноко в его большой Темной Империи. И решил мальчик попросить у богини Тьмы себе друга.

И создала богиня для мальчика друга. Только зря радовался мальчик, друг был верным и преданным, но совершенно не разделял его взглядов, и снова стало ему скучно.

Прошли века, прежде чем мальчик вырос в зрелого мужчину. Тоска одолевала его все сильнее, и Тьма уже сама не могла смотреть на его страдания.

— Мужчина — это ты, что ли? — уточнила я, совершенно не сочувствуя одинокому мальчику.

— Нет, это был мой отец, — пояснил Минас.

Эка он издалека начал!

— И как — то раз богиня сказала, что она подарит ему любовь. Когда же отец спросил, а что это такое, Тьма рассмеялась и ответила, что ему непременно понравится. И даже подсказала, как ее найти. Отец выполнил все в точности, как велела богиня, и встретил под вековым дубом свою звездочку. Вот так появился я. Но вот только мама утасла, а вскоре и отец ушел за ней за Грань.

Шли века, я вырос и стал понимать отца. Одиночество — страшная пытка. Тогда я решил, как отец, у дуба попытать свое счастье. Я не отчаивался неудачам, ибо верил, что богиня и мне пошлет тебя.

— Я все же у тебя не первая, — обидно до слез.

Как же мне хотелось потешить свое самолюбие надеждой, что я для него единственная и неповторимая. Оказывается, еще как повторимая. Шмыгнула носом, украдкой стирая слезы.

— Да, у меня было много попыток, и наконец, я нашел тебя.

Он даже не стал оправдываться, подтверждая мои слова. Жалость к себе переполняла мою душу. Как же больно!

— Истинная любовь встречается только единожды. Читая дневники отца, я натолкнулся на очень странные тогда для меня строчки. Он жалел, что не мог подарить матери бессмертие. Он не хотел вновь пережить века холодного одиночества в ожидании, когда ее душа переродится. Встретив тебя, я понял, как же он был прав. Я не хочу даже думать о том, как коротка твоя жизнь, словно, миг падения звезды с небосклона. Пусть и самый мой счастливый миг, наполненный любовью и светом, но всего лишь миг. Со дня нашей встречи я искал решение, как продлить это мгновение, и нашел. Теперь ты моя. Я привязал тебя. И сколько бы раз ты не перерождалась, я всегда буду рядом и смогу найти тебя.

— А я не хочу, — прошептала себе под нос, слизывая соленые слезы с губ.

— Почему? — удивился недогадливый Минас.

— Как это, почему? — взвилась, разворачиваясь к нему лицом, чтобы посмотреть в его наглые глаза. — С твоих слов, ты каждый раз искал себе таких как я, приручал к себе, а потом выбирал самую доверчивую. И в этот раз ею оказалась я!

Пусть и по-детски, но мне это не давало покоя.

— Любимая...

— Вот, скольким ты говорил это слово?

— Никому, — тут же ответил Минас, нависая сверху. — Аулерия, я, честно, никого и никогда не называл любимой. Я впервые влюбился. Ты моя единственная любовь, моя звездочка. И больше никого не будет, клянусь. Я связал нас вместе. И где бы мы ни родились, мы всегда будем рядом. Мы пронесем нашу любовь сквозь время.

Его слова хоть и были приятны и так желанны, но успокоения не принесли. Я все еще была в сомнениях. Конечно, правда в его словах была, вот только, что еще он мне не договорил.

Минас, видя мои метания, решил на последний шаг: поцелуем убедить меня в своей любви. Упрямо поджимать губы у меня получилось лишь первые секунды, пока коварный Темный Властелин не начал меня подло щекотать.

Извиваясь и визжа, я отбивалась от юрких рук Минаса, умоляя остановиться.

— Скажи, что не злишься на меня, и я все прекращу, — получала я ответ каждый раз на свои мольбы.

— Минас, я не злюсь, честно, — еле сумела прошептать, задыхаясь от смеха.

— Честно? — недоверчиво спросил великовозрастный ребенок.

— Честно-честно, — отпихнула от себя его руки и, перевернувшись, слезла с кровати с другой стороны и только тогда закончила фразу, — я на тебя обижена. Ты мне то ли постоянно врешь, то ли что-то утаиваешь. И в итоге я узнаю все от этого блондинистого зубоскала. Почему ты все нормально мне рассказать не можешь?

— И что же ты хочешь узнать? — холодно спросил Минас, медленно подползая к краю кровати.

— Зачем тебе нужно было столько претендентов, и при чем тут Тодеус? — спросила, бесстрашно глядя ему в глаза, и сделала маленький шаг назад.

— А ты уверена, что хочешь все узнать? — вкрадчиво спросил Минас, вальяжно ложась набок и подпирая рукой голову.

— Конечно, хочу! — возмущилась я, сложив руки на груди. — Я тебе верила, я любила тебя. Как ты думаешь, я достойна узнать правду?

— Я не хочу, чтобы ты отвернулась от меня, Аулерия, — прошептал в ответ Минас, гипнотизируя взглядом.

— Все равно скажи, — настаивала я на своем, готовая принять любую страшную тайну.

— Хорошо, иди сюда, — похлопав рядом с собой, позвал меня к себе.

— Зачем? — испуганно отшатнулась я. — Мне и тут хорошо.

— Ну, как хочешь, — обиженно отозвался Минас, сам сел на кровати и заговорил. — Тьма отцу сказала, что любовь рождается к Темному Властелину только у светлой непорочной души, ярче чем свет Утренней Звезды. А душа, моя родная, как ты знаешь, это не тело. Тело может быть любое, даже мужское. И искать эту светлую душу надо было в любом, кто придет под тот дуб загадывать желание на падающую звезду! Что я и делал в течение многих веков. Я даже легенду сочинил и распространил по всей академии, что загадывать желание надо именно под тем дубом! В тот год светлых душ было, как ни странно, очень мало, только четыре, в том числе и ты. Душа Тодеуса светила ярче всех, но характер у него был слаб. Другие любили, но не верили. И только ты поверила и пошла за мной, доверившись с первой секунды. Я искал и нашел, а раз нашел, то уже никогда не отпущу. И ты меня любишь именно таким, я прав, моя звездочка?

— Ну, хорошо, с Тодеусом понятно. А что за светлые, которых сейчас твой советник казнить пошел? — грозно спросила я, пытаюсь подавить в себе проснувшуюся радость, которая теплом растекалась в груди.

— А эти! — неохотно отозвался Минас и в следующую секунду бросил себя вперед, ловя меня руками.

Испуганно взвизгнув, попыталась отскочить в сторону, но не успела и теперь лежала на кровати под ним, довольно посмеивающимся над своей уловкой.

— Минас, — упираясь руками в его твердую грудь, попыталась столкнуть его с себя, но мои потуги только еще больше веселили наглеца.

— Так мне рассказывать тебе про светлых? — уточнил черноокий, я в ответ лишь кивнула, не оставляя попыток освободиться. — Это наемники, которых прислал Артемид тебя вызволять.

Замерла, удивленная новостью.

— Наемники? — переспросила, боясь, что не ослышалась.

— Да, Аулерия, именно наемники. Сколько раз я повторял тебе, что Артемид — трус и манипулятор. Сам не прилетел, а головорезов прислал. Чем вообще он думал, нанимая их, я не знаю! Сама догадываешься, как они провели бы с тобой время полета до дому, и в каком состоянии тебя бы доставили.

Представила и ужаснулась. Я не понимала своего друга, он не мог не знать о плохой репутации наемников. С ними никто не заключал сделки. Любое подозрение о связи с ними кидало тень на честное имя. Они были очень недостойными и аморальными личностями, несмотря на то, что являлись светлыми. Я бы даже сказала, что они падшие светлые, отбросы общества. У них нет морали и нет никаких духовных ценностей. Их интересуют только деньги!

Нет, нет, Артемид не мог так со мной поступить. Тут что-то не так. Надо срочно во всем разобраться.

— Аулерия, — позвал Минас.

— Ты уверен, что их послал Артемид? — выдохнула я, даже не заметив, что задержала дыхание.

— Уверен. Ты что-то задумала, я чувствую, — Минас сощурил глаза, подозрительно глядя на меня.

Я не стала таиться, высказав все как на духу:

— Я хочу сама спросить у них. Хочу услышать, как они сами мне скажут, кто их нанял и зачем. Я хочу знать, что дословно Артемид им сказал. Ведь он всегда клялся в любви и не мог со мной так поступить. Понимаешь?

Очень хотелось, чтобы любимый меня понял и не обиделся. Понимаю, что недоверием я сейчас его могу больно ранить, но все же мне требовалось это услышать от самих наемников.

— Понимаю, — тяжело вздохнув, ответил Минас и поднялся с кровати, подавая мне руку, чтобы я следовала за ним.

— Стой, а переодеться, — возмутилась я.

— Только быстро, а то не успеешь, — ровный голос не мог укрыть от меня, что его все же задело мои слова. Я потом обязательно извинюсь, главное, успеть, пока наемники еще живы.

Вытащив из шкафа первое, что попало в руки, судорожно это надела. Взглянув на себя в зеркало, обомлела. Платье было шикарным! Даже вот так, без прически и макияжа, я в нем была, не побоюсь этого слова, соблазнительна. Ткань была неоднородной. Приятный бархат местами переходил в прозрачные кружева. Рукава три четверти, квадратный вырез и длинный в пол подол. В нем я почувствовала себя настоящей Властительницей.

— Ты чего замерла? — шепот Минаса ласкал, как и его руки, обхватившие за талию.

— Это я? — вырвалось у меня.

Я не могла оторвать взгляда от пары, что отражалась в зеркале. Мужественный юноша и невысокая стройная девушка. Вот что во мне казалось чужим! Я помолодела! Кожа стала ровней и светлее, глаза вновь заблестели. Светлые локоны красивыми волнами обрамляли лицо. Я уже и забыла, какая я была в юности.

— Ты прекрасна, моя звездочка! Я не устаю тебе об этом повторять.

— Спасибо, — прошептала, смущенно опуская глаза.

— Это не я тебя такой сделал, любимая. Это ты — настоящая, — с наслаждением слушала комплименты от Минаса, чувствуя, как начинают гореть щеки.

Легким поцелуем в шею закончилась минута счастья.

— Туфли вон в тех коробках, — вернул меня к действительности любимый, указывая на три стопки обувных коробок. И подтолкнул к шкафу со словами: — Поспеш.

Глубоко вздохнула, чтобы успокоить расшалившееся сердце, и направилась к шкафу.

Туфли порадовали меня высокими каблуками и разнообразием отделки, но сейчас я искала более удобную обувь и нашла.

Обычные туфли формы «лодочка» и небольшой каблук — то, что надо!

Схватив их, бегом бросилась к кровати, чтобы сидя обуться. Туфли сели как влитые, нигде не жало. Обрадовавшись, я встала со словами:

— Я все!

Минас прошелся по мне взглядом, задержавшись на глубоком вырезе. Не заметить этот выразительный взгляд, полный тайного желания, не могла. Я просто чувствовала его кожей.

— Может, останемся? — предложил Минас и посмотрел мне в глаза с надеждой.

— Давай быстренько туда, а потом сразу обратно, — предложила ему компромисс.

— И ты мне позволишь тебя раздеть? — соблазнительно прошептал Минас, подходя ближе и прижимая к себе.

Когда я вдохнула мужской аромат, исходивший от любимого, голова немного закружилась, и стало жарко. Ноги предательски занули, и вновь захотелось почувствовать на себе безумную страсть, которой одаривал меня Минас в нашу брачную ночь.

— Минас, — вместо ответа у меня вырвался стон, которого я сама и испугалась, прикрывая ладошкой рот.

— Да, моя звездочка.

Поняла, что если услышу от него еще хоть слово, то точно уже никуда не пойду. Надо было срочно действовать, пока голова окончательно не затуманилась.

— Пойдем быстрее, — высвободившись из слабых объятий, я схватила любимого за руку и потянула к выходу.

Я быстро шла по коридору, мысленно призывая взять себя в руки и бурно не реагировать на любое прикосновение или слово, и уж тем более взгляд, Минаса. Это было очень волнительно для меня и ново. Раньше я даже подумать не могла, что близость с мужчиной — это так изумительно и притягательно. А сейчас меня постоянно преследуют непристойные мысли и дикое желание почувствовать любимого кожей, обнимать руками, зарываться в черный шелк его волос.

Зажмурилась, отгоняя от себя такие назойливые и смущающие мысле-образы.

— Аулерия, с тобой все в порядке? — дернулась, почувствовав дыхание этого соблазнителя, о котором я постоянно думаю, причем в голом виде.

Судорожно вздохнула, боясь взглянуть ему в лицо.

— Да, — четко ответила, пытаюсь уверить в этом не столько его, сколько себя.

— Ну, раз так, то нам туда, — и с этими словами, Минас настойчиво развернул меня на девяносто градусов, в сторону коридора, в конце которого я увидела лифт.

Дальше я уже шла позади любимого, любуясь его широкой спиной, мечтая увидеть его огненные крылья. Лифт открылся, пропуская нас внутрь, и я зашла вслед за Минасом, чтобы тут же оказаться в его объятиях и получить очередной страстный поцелуй. Застонав, потянулась к любимому, вставая на носочки и обнимая за шею. Поддавшись порыву,

наслаждалась, тая в руках Минаса, пытаясь не отставать от него и тоже подарить хоть чуточку своего счастья. Разорвав поцелуй, Минас крепко прижал меня к себе. Тяжело дыша, мы долго приходили в себя под мерное шелканье лифта, пересчитывающего этажи.

— Аулерия, если ты продолжишь так на меня смотреть, то ни на какую казнь мы не пойдем. Утащу тебя в спальню и буду делать с тобой все, что захочу, — пригрозил мне любимый, приятно щекоча дыханием волосы.

— Как так? — решила уточнить, чтобы не провоцировать его в дальнейшем.

Минас приподнял за подбородок мое лицо, и я задохнулась от жаркого проникновенного взгляда черных завораживающих глаз.

— Вот так, милая, вот так, — прошептал мне в губы любимый, возобновляя поцелуй.

Долго насладиться им у нас не получилось, так как лифт открыл свои двери на нужном этаже.

Облизнула припухшие губы, смущенно переминаясь на месте, не знала куда себя девать. Минас стоял, явно чего-то от меня ожидая, я боялась поднять глаза, вдруг посмотрю на него так, как он просил не смотреть.

— Аулерия, может, уже пойдем, или ты решила все же вернуться в спальню, — насмешливый голос Минаса заставил вздрогнуть и выскочить из лифта, совершенно забыв, куда мы приехали. А зря!

Сразу по обе стороны от лифта шли камеры с прозрачными дверями, которые беспрепятственно позволяли оценить весь ужас того, как содержались заключенные. Люди, дрожа, жались к стенам, пытаясь укрыться от моего взгляда.

Рассмотреть подробности мне не дал Минас, ухватив за руку, он настойчиво вел меня вдоль коридора, удаляясь все дальше от лифта. Я с каждым шагом все больше ударялась в панику. Я не была готова увидеть эту нелепую сторону жизни Минаса.

Коридор, как назло, все не кончался, камеры уже мелькали перед глазами, но закрыть их у меня не хватило сил. Наконец, когда я уже, практически, отчаялась увидеть конец коридора, мы остановились возле одной из камер, в которой обнаружился сам Земер.

Блондин недовольно смотрел на меня, держа за горло слабо трепыхающегося молодого парня.

— Советник, Властительница захотела присутствовать на казни и даже допросить заключенных, — с металлом в голосе произнес Минас.

— Вот как? — удивился блондин и выпустил из рук юношу, который тут же забился в угол, затравленно следя за нами.

Сама стоять я не могла, поэтому теснее прижалась к любимому, крепко обнимая его за талию, чувствуя руку Минаса, которая по-хозяйски расположилась на моем бедре.

Он же и завел меня внутрь камеры, и даже усадил на стул, который кто-то поставил тут.

Рассматривая с недоверием юношу, я не могла поверить, что это и есть тот самый наемник, о которых столько говорят.

Удивленно обернулась к Минасу, который зорко следил за заключенным, стоя у меня за спиной.

— Это точно наемник? — почему-то шепотом уточнила, не веря своим глазам.

— Да, моя Властительница. Этот был самый молодой в группе, остальную команду я уже допросил, — ответил вместо Минаса Земер, растягивая губы в улыбке.

Задержав свой взгляд на нем, я поразились изменениям, произошедшим с ним. Вся его холодность исчезла, глаза блестели от охотничьего азарта, губы потеряли свою бледность,

променяв ее на красный цвет. Весь его вид напоминал мне хищника, готового в любой момент наброситься на жертву. И жертва прекрасно это понимала и чувствовала, замерев в углу камеры, не отрывала от блондина взгляда.

Что-то подсказывало мне, что я опоздала, и допрашивать кроме этого напуганного юноши больше некого.

— Эй, ты, — позвала я, пытаюсь привлечь внимание наемника.

Но тот даже не повернул головы, все так же следя за Земером.

— Парень, тебя как зовут? — чуть громче крикнула я, результат тот же.

— Позвольте мне, моя Властительница, — вызвался помогать мне советник.

— Нет, он и так вас боится.

— И правильно делает, — самодовольно улыбнулся Земер, обнажая клыки.

— Надо раскаленным щипцами ему язык развязать, — услышала из-за спины совершенно чужой и холодный голос Минаса.

Пленник вместе со мной одновременно вздрогнул. Оглянулась на любимого, поражаясь его жестокостью, а из угла камеры послышались мольбы.

— Прошу не надо, умоляю. Я все скажу, не надо щипцов.

— Как тебя зовут? — спросил у юноши Минас.

— Ивануш, Ивануш Слярик, — заикаясь ответил тот.

— Кто вас послал и зачем? — мороз по коже пробежался от ледяного голоса темного Властелина, а даже то, что он прижимал меня к своей горячей груди, не спасало.

— Я не знаю кто заказчик. Его видел только командир Рэмид. Нам заказали женщину. Блондинку, похожу на вашу спутницу, но старше. Наверное, заказали ее мать.

Удивленно переспросила, не понимая, о чем говорит наемник:

— Заказали — это как?

— Убить заказали, убить... Много денег... капитан не смог отказаться, хотя его все отговаривали. А он с ума сошел, все твердил, что сделаем дело и разбогатеет.

Рука, удерживающая меня, напряглась, я сильнее вцепилась в одежду любимого.

Меня хотят убить. Но кто? Артемид не мог, точно не мог.

— Вот видишь, звездочка...

— Ничего это не значит. Пусть Артемид мне все сам скажет. Я не верю! Не верю, что он хочет меня убить. Похитить — да, с этим соглашусь, но убить! Минас, убить меня! — с жаром стала объяснять, заступаясь за друга, единственного друга, который не мог меня предать. Не мог и все тут.

— Нет, нет, не вас! Она старше намного старше, — донеслось из угла.

— Пойдем, позвоним и спросим прямо! — предложил любимый, и настойчиво подтолкнул в спину.

Когда мы еще не прошли и половины дороги до лифта, из камеры донесся громкий крик, от которого все внутри у меня сжалось. Минас пристально смотрел мне в глаза. А я лишь сильнее прижалась к нему. Жалеть того, кто сам отринул свет не имело смысла. Сколько не спасай таких, они все равно все равно будут уходить во Тьму, пока сами не передумают.

Уже стоя в лифте, уткнувшись в грудь любимого, наслаждаясь его теплом, почувствовала себя в безопасности, в таких надежных объятиях.

— Аулерия, не бойся. Чтобы не случилось, я найду тебя. Мы всегда будем вместе, — дарил спокойствие голос любимого, в котором больше не было стальных ноток.

— Я знаю. Я люблю тебя. Просто все так навалилось. Почему меня хотят убить, за что?

— Ты теперь Темная Властительница, ты моя жена, и ты моя слабость. Думаю, я перечислил тебе достаточно веские причины для твоей преждевременной кончины. Прости любимая, я совсем не подумал, что светлые не успокоятся. Я считал, что у меня есть больше времени, видимо придется действовать сейчас.

Вглядываясь в его лицо, я заметила следы усталости, но больше всего обратила внимание на решительность сквозившую в глазах.

— Что ты собрался делать? — пыталась понять причину безысходности в его голосе.

Минас трепетно провел пальцем по моей щеке замысловатый рисунок, и обхватив ладонями лицо отчаянно поцеловал меня. Ответив ему, я попыталась стереть эту грусть что поселилась в его сердце. Но увлечь себя я ему не дала, чуть отстранившись, повторила вопрос:

— Что ты собрался делать?

Любимый тяжело вздохнул и прижал мою голову к своей груди, зарывшись носом в мою макушку.

Я прислушивалась, как гулко билось в груди его сердце. Для меня не было лучшей музыки на свете, ведь в этом сердце жила любовь. И в моем тоже — любовь к Минасу!

— Не переживай, все будет хорошо, — что о чем это он?

Мысли путались в голове, и я не могла вспомнить о чем мы с ним разговаривали.

— Что хорошо будет? — попыталась я поймать ускользающее сознание.

— Спи, все у нас будет хорошо, — и ноги отказались держать меня, а тяжелые веки сомкнулись.

— Вы каждый раз будете ее усыплять? Вечность вы не сможете уберечь ее от своей темной стороны, Властелин, — у меня входит в привычку просыпаться от голоса советника.

В этот раз он прозвучал над самым ухом. Вздрогнула, но не сдвинулась с места. Тело отказывалось повиноваться, даже глаза открыть не могла, только слушать. Поэтому обратилась вся в слух.

— Земер, заткнись. Можешь хоть пару минут не ныть, и отойди от неё. Я тебе велел, чтобы ты не прикасался к ней, — недовольно отозвался Минас откуда-то справа.

Заботливый какой, слов нет! А зачем Земер меня разбудил, явно идя против своего Властелина?

— Приветствуем вас, вы позвонили в секретариат академии Высшей Магии. Прошу перевести ваш телефон в тональный режим. Если вы хотите узнать расписание нажмите «один», если вам нужно узнать ваш баланс — нажмите «два», если по вопросам поступления — нажмите «три», если вы желаете пообщаться напрямую со своим руководителем — нажмите «четыре», если вам нужно решить вопросы с бухгалтерией — нажмите «пять»...

— Вот кого я первого убью, эту девку. Найти для меня ее, прошу мой верный советник.

— Если вам требуется обсудить вопросы с ректором — нажмите «шесть»

— Наконец-то, — выдохнул Минас, и я услышала звук нажатия кнопки.

Вот если бы он меня попросил, я бы ему личный номер Артемида продиктовала и домашний и такой. Но, он сам виноват, вот пусть и мучается. Секретарша никогда и никого не соединяла с ректором, на то она там и сидела. Если только.

— Здравствуйте, вы позвонили в приемную ректора Артемида Лактур, — поприветствовал звонкий голос Елины. — Представьтесь, пожалуйста.

— Приветствую вас, меня зовут Адия Ардамта министр образования по боевой магии.

Почему я не могу дозвониться до Артемиды? Его личный телефон выключен. Он болен?

На том конце притихли, было слышно лишь дыхание Елины, так сильно она дышала в микрофон.

— Девушка, я жду, — поторопил Минас секретаршу.

— Он сегодня вылетел на практику с выпускным курсом. Я не знаю, по какой причине его телефон выключен. Может они вне зоны доступа. Он обещал завтра к вечеру вернуться и сказал, что в министерстве всех предупредил.

— Да как же так! Мы же с ним договорись, почему он меня не дождался, — я прониклась праведному гневу Минеса, который он разыграл для Елины.

Звук разрыва соединения и шагов, подсказывали мне, что сеанс связи закончился и Минас идет ко мне.

— К нам летит еще и птенцов своих волочет. Тварь! Никогда в открытую не ходил, только и делал, что людей подставлял. Земер, да отойди от нее, кому сказал! Иди лучше границу проверь, не хватало ему незаметно в замок проникнуть!

Замерла, пытаюсь не дышать, ведь этот нахал стоял рядом со мной, а я его даже не чувствую. Я вообще ничего не чувствую!

— Она все еще сладко пахнет, хоть и прошла инициацию, — прошелестел надо мной вкрадчивый шепот советника.

— Земер, ты такой древний, что должен уже знать, что светлые так пахнут не из-за света, а из-за чистоты своих помыслов. Душа так пахнет, а не сила, — отозвался Темный совсем близко. — Ну и зачем?

— Она должна любит вас таким какой вы есть.

— Уйди, я тебя сейчас упокою, а потом буду об этом сожалеть, — опять этот чужой холодный голос, пробирающий до самых костей.

— Слушаюсь Властелин.

Легкий поцелуй коснулся моего виска, заставляя сердце быстрее биться. Неожиданно почувствовала тепло, появившееся в ногах и быстро передвигающееся вверх, расслабляя скованные мышцы.

— Звездочка, моя звездочка. Нет нам счастья нигде, — грустно посетовал Минас, а я хотела, да не могла возразить. — Надо было тебя еще тогда украсть и улететь. Помнишь, как мы мечтали улететь далеко на край галактики. Где нет этих обязанностей, врагов, интриг и занудных советников, которых передают по наследству. Как же я устал.

К телу постепенно возвращалась подвижность. Глаза открылись первыми.

Комнату, где я оказалась была незнакома, но очень похожа на кабинет. Я лежала со всеми удобствами на диване, Минас сидел рядом, держа мои руки в своих. Голова его покоилась на мягкой спинке, а сам любимый смотрел на меня. Наши взгляды встретились и время остановилось.

Ничего не хотелось, лишь так вот сидеть, держась за руки и не отрывать взгляда, тонуть в его непроглядной Тьме. Тянуться к нему любящим сердцем, чувствовать прикосновение к своему. Дарить ему свою улыбку, и трепетать от ответной. И качаться на волнах безграничного счастья, для которого и сердца было мало. Оно растеклось повсюду, а я чувствовала себя его источником. Волшебный момент единения, когда любое резкое движение может разрушить этот хрупкий миг.

«Я тебя люблю», — почувился мне голос Минаса, хотя он не проронил ни слова, все еще пребывая в очаровании нашего мира.

Улыбка тронула мои губы.

«Я тоже безумно тебя люблю, я жить без тебя не могу», — безмолвно слова лились из моей души, лаская его.

— Иди ко мне, — прошептала я, не в силах больше оставаться без его тепла.

Минас потянулся вперед, обнимая меня за талию, секунда полета, мой визг и мы упали на кровать в знакомой спальне. Тихо посмеиваясь, я с удовольствием расположилась на его груди, как кошка, жмурясь от моего персонального солнца. Говорить не хотелось ни мне ни ему. Его рука перебирала мои волосы, я слушала мерный стук его сердца, и я скоро сама убью этого настырного гада.

— Властелин, светлые прибыли.

Минас замер, я приподняла голову, взволнованно всматриваясь в абсолютно черные глаза, без белка, словно сама Тьма глядела на меня.

— Прости, но ты останешься здесь. Это не обсуждается, — обратился ко мне Минас, осторожно перекладывая меня на кровать. Сам встал, даже не поцеловав, вышел из спальни, толкая впереди себя советника.

Откинулась на спину, раскинув руки, счастливо рассмеялась. Как же приятно знать, что тебя любит твой возлюбленный и заботится о тебе.

Эх, жаль, что у меня нет крыльев. Очень хотелось опять почувствовать миг полета! Того сумасшедшего адреналина.

Как прежде.

— Вот, молодец! А теперь доверься мне! — голос Минаса придавал уверенности, и я поверила.

Толчок в спину, мой испуганный визг, и я лечу! Правда прямо вниз, и земля все приближается.

— Ну же, Аулерия, почувствуй, пожелай! — слышу крик любимого, закрыла глаза и, как он учил, представила крылья, большие как у птиц, белые перья один к одно. И вдруг я почувствовала тяжесть этих крыльев и силу их каждого взмаха.

— Глаза открой, а то врежешься! — очередной окрик Минаса, я распахнула их, вереща от радости.

— Я лечу! Минас, я лечу! — моему восторгу не было предела.

— Я верил в тебя! — любимый заключил меня в объятия и прижал мою голову к своей груди. — Хотя был миг, я думал, что ты не сможешь раскрыть крылья!

А что меня останавливает попробовать вновь раскрыть крылья? Я уверена у меня получится, нужно лишь забраться повыше. А если не получится, то стоит лишь позвать Минаса, и он обязательно меня спасет!

Слетев с кровати, подбежала к шкафу и раскрыла дверцы. Мне нужны брюки, где же они могут быть, и могут ли они тут быть? А вот же!

Брюки были что надо, узкие, как я люблю. Дальше нашла рубашку с длинными рукавами и теплый свитер крупной вязки. Все я готова открывать просторы. А нет не готова. Туфли, у меня же только туфли! Надо найти на ремешках, чтобы не слетели кому-нибудь на голову. Вот эти подойдут!

Бросив последний взгляд в зеркало, я подмигнула себе, и отправилась покорять небо. Но меня ждал сюрприз возле дверей в лице двух темных рыцарей, которые заступили проход. Я

конечно испугалась, но держала лицо, не показывая свой страх. Я все же Темная Властительница, или кто?

— Отошли, — приказала, как это делал Минас.

Но меня так никто не слушается, как любимого. Вот напасть, и как же мне добраться до лифта.

— Мне повторить? Или это неподчинение моим приказам? — попыталась снова играть роль их хозяйки.

— Властитель сказал, что вы попытается выйти из комнаты. И приказал не выпускать вас, — снизошел до ответа один из рыцарей.

Закатила глаза, и развернулась к ним спиной, захлопнула со всей силы дверь. Но зря старалась, ее кто-то с той стороны придержал, и она беззвучно закрылась.

Недовольно глядя на дверь, пыталась придумать, что же предпринять. Конечно, понятно, что Минас беспокоится, но мне хотелось летать. Так сильно, что даже спина зачесалась, словно крылья на самом деле пробиваются из нее.

А душа требовала полета, просто наваждение какое-то. Подошла к окну, рывком открыла и с сомнением взглянула вниз. Высота, конечно, была недостаточная, надо бы выше. Досадливо поджала губы. Что за напасть-то такая. Все против меня!

Пальцы неприятно щекотало от нетерпения. Прошла по комнате, судорожно думая как мне быть. Но на крышу ход мне заказан, а сил терпеть уже просто не оставалось! Еще раз оценив высоту, решила. Ну, маленькая и маленькая, главное желание и вера в свои силы!

Спину уже просто нестерпимо жгло! И забравшись на подоконник, сидела и вспоминала свои белые крылья. Размах их был большим, перья мягкие и теплые, но самое главное это тяжесть! От чего они постоянно оттягивали спину назад.

В подтверждение моих слов, я почувствовала, как знакомо заныли мышцы спины. Глубоко вздохнув, оттолкнулась от подоконника и полетела вниз.

Зажмурилась и взмахнула крыльями, еще и еще раз! Открыла глаза и радостно крикнула победный клич!

У меня получилось! Я летела, летела ввысь, кружилась, делала пируэты, пока не обратила внимание на цвет крыльев. Черные как ночь! Перышко к перышку, только черные!

Ну и пусть, зато мои! Довольно улыбаясь, решила возвращаться домой.

Развернувшись, взвизгнула от испуга, выставляя перед собой защитный круг света. Прямо за моей спиной грозно сдвинув брови, завис в воздухе Земер, размахивая страшненькими кожаными крыльями, как у летучих мышей. Вот что он все время портит мне настроение!

Защитный круг в воздухе преобразовался в сферу и полыхал, только опять же не светом, а тьмой.

— Властительница, вы пожалеете, что так рано используете силу, — холодный нравоучительный тон, успокаивал, и я развеяла защиту, понимая, как смешно смотрюсь.

— Почему? — спросила у советника причину его уверенности.

— Вот поэтому, — и в следующую секунду, крылья за моей спиной исчезли, и я с визгом полетела камнем вниз.

Земер подхватил на руки и чересчур интимно опять стал меня обнюхивать. Вот просто по-другому это не назовешь.

— Сила нестабильна, и очень быстро выходит из-под контроля. Восстанавливаться будете до конца дня уж точно, — мне показалось, или он этому даже рад. — Непоседа!

— Ты вообще-то со своей Властительницей разговариваешь, — недовольно прошептала в ответ. От его дыхания, волосы на виске шевелились, приятно щекоча.

— Аулерия, я, таких как ты, Властителей, постоянно воспитывал с младенческого возраста. И я имею право так разговаривать с вами — как с неугомонными детьми. Вы для меня таковыми и являетесь.

Подлетев к распахнутому окну, Земер аккуратно посадил меня на подоконник и подтолкнул в спину, потом махнул рукой, окно захлопнулось и чувствую, больше не откроется, без магического вмешательства!

Советник усмехнулся, а я не удержалась и показала ему язык! И еще задернула шторы, чтобы неповадно было подглядывать, тоже мне нянька!

Забралась на кровать с ногами и обиженно насупилась, прожигая взглядом шторы. Вот что за тип за такой этот Земер. И не знаешь, как ему гадость сказать, ведь все воспринимает как очередной подростковый бунт, не более того. Интересно, что бы он сделал, если бы у меня не получилось раскрыть крылья? Поймал бы и отчитал? Ведь наверно ждал, давая возможность сделать, так как хочу.

Хоть и противный, но все делает ради Минаса. Подперла рукой голову, пытаюсь здраво взглянуть на то, что со мной произошло несколько минут назад. Сила проснулась, я забыла, как это происходит. Забыла, так как тогда первый раз мне было всего пять! Но должна была помнить по лекциям это странное состояние перевозбуждения. Магия во мне пробудилась темная, а слова хоть и светлой магии, но срабатывали и сейчас. Делаем вывод, что чтобы я не произнесла, главное то, что я хотела получить в итоге. Я даже уверена, что Земер если бы ринулся сквозь защиту не прошел бы. Так как в тот момент я ощущала его как врага. И крылья, мои крылья! Улыбка вновь коснулась моих губ. И из-за спины появились они — черные, теплые и мягкие. Провела рукой по оперению, любуясь красотой.

Дверь резко распахнулась, и в спальню вбежали трое светлых — выпускники нашей академии.

— Ни с места! — грозно выкрикнул рыжеволосый Дарен Локк.

Я ему помогала сдавать курсовую, когда все от него отказались, из-за его постоянной лени.

— Дарен? — удивилась я, вставая с кровати.

Остаться на месте, у меня не было сил, так хотелось обнять моего дорогого ученика. — Дарен, неужели это ты?

— Леди Аулерия? — тоже удивился юноша, а я уже бросилась к нему, повиснув на шее боевика.

— Дарен, как же ты вырос? Возмужал!

— Ну это... да. Вы тоже изменились. Стали такой... красавицей.

— Вот как? А до этого ею я не являлась.

— Ну, эта... являлись, только вы были, эта...

Улыбнулась, понимая, что передо мной мой Дарен, тот же смешной неуклюжий боевик, который просил помочь в ухаживаниях за одной прелестницей.

— Старой, — подсказала я юноше.

— Нет, нет, что вы! Вы не старая, нет, просто это... невзрачная.

— Дарен! — позвал его блондин с голубыми глазами.

Я не помню, как его звать, но его часто награждали за спортивные достижения.

— Парни, это леди Аулерия, наш препод! Вы что не узнали?

Парни в нерешительности замотали головами, и в это время за их спинами появился Земер. Дарен, как истинный боевик, тут же задвинул меня за спину, а я уже кричала советнику:

— Земер, это свои! Не тронь мальчиков!

Парни среагировали слишком поздно, два точных удара, и они уже лежали, скорчившись на полу. Я подбежала к ним, проверяя, что с ними.

— Земер, я же сказала, что они свои, зачем надо было их бить.

— Властительница, вы забываетесь, — холодно одернул меня советник.

— Властительница, — выдохнул за моей спиной Дарен.

Я оглянулась, чтобы увидеть шок на лице рыжеволосого. Он неверяще возрился на сложенные черные крылья, которые убираться совсем не хотели. И тут я вспомнила, что у дверей стояло двое темных рыцарей, которые как нельзя вовремя пропали.

Сощутив глаза, посмотрела на ухмыляющегося Земера.

— Зачем? — спросила, боясь услышать правду.

— Они сладкие, — не стал отпираться советник, с жадностью глядя на боевика.

— Не смей, я запрещаю!

— Аулерия, но они же пришли тебя убивать. Они заслужили наказания.

Развернулась к юноше, и требовательно спросила:

— Зачем Артемид вас взял с собой?

— Ну, мы же это... как бы, лучшие. Он сказал, что только мы справимся с заданием.

— А что за задание? — усмехнулся советник, оказавшись очень близко за моей спиной.

— Убить Темную Властительницу и Властелина.

— И сколько вас, таких наивных, — это уже я, поражалась вероломству друга.

— Ну это... много, весь курс. Ну, как бы у нас это... преддипломная практика.

— Вас обманули, Дарен. Вас на убой послали, — устало прошептала.

Дойти до кровати было очень сложно, ноги стали ватными, а в душе так гадко. Как же так, мой верный друг пришел меня убивать, даже не хотел ничего разузнать, поговорить. Так сразу вынес мне приговор!

— Леди Аулерия, так это правда, вы теперь Темная Властительница?

— Да, это правда, — глухо отозвалась, борясь с болью в душе.

Советник приблизился ко мне, закрывая собой вид, как двое рыцарей выносят поверженных. Но я видела, и даже не пыталась их остановить. Я чувствовала себя, словно сдвинувшийся шарик.

— И ты, Дарен, смог бы меня убить, даже несмотря на все что между нами было?

— А что между вами было? — удивился советник. — Ничего не было, я бы знал.

— Было, Земер, — отрезала я. Тут же меня подняли, больно сжимая плечи и цепко вглядываясь в глаза.

— Ни-че-го не бы-ло! Ритуал иначе был бы недействительным! — прошипел в лицо разъяренный советник.

Не мои проблемы, что там было бы не так у него с ритуалом. А вот между мной и Дареном установились очень крепкие дружественные отношения. Хотя, наверное, это я сама себя обманываю, раз он тут, да еще и в команде моих убийц.

Как не стыдно Артемиду, так ломать неокрепшую психику выпускников!

— Отпустите ее! — выкрикнул Дарен, и попытался спасти меня.

Но стоило Земеру на него взглянуть, как он тут же схватившись за горло, засипел, упал

на колени, краснея все сильнее и сильнее. Оттолкнув советника, недовольно прожигая его взглядом, сорвалась с места на помощь Дарену. Но Земер, перехватил не давая дойти всего пару шагов. Светлый выкинул руку перед собой и в Земера воткнулся серебряный кинжал, прямо в сердце.

— Нет! Дарен! Не смей! — попыталась остановить юношу, удерживая заваливающегося советника.

— Леди, за мной. Я спасу вас! — дернул меня на себя рыжий глупец.

И откуда у него столько силы? Рванул так, что еле успевала ноги переставлять, спотыкаясь.

— Дарен, стой. Стой, кому говорю! — задыхаясь, кричала, с трудом вписываясь в поворот, за этим лосем.

— Нельзя, тут рыцари Тьмы повсюду, — просто глаза мне открыл!

— Ну, так конечно, это же Обитель Тьмы! Да остановись, окаянный! — крикнула из последних сил.

И тут же врезалась в его спину. Да неужто он меня послушался. А нет, не меня. Из-за плеча смогла разглядеть, как проход нам перегородили четыре рыцаря в черных доспехах.

— Не убивать его, это приказ! — выкрикнула из-за спины, так как юнец мне не давал выйти вперед.

— Властительница, может все же стоит? — с облегчением, что удивительно, я услышала голос Земера. Жив зараза, такая, я уже его оплакать успела, поспешила!

Оглянулась назад, и подарила советнику улыбку, все же боялась что он умер.

— Нет, просто мальчик перенервничал. Мы ему все объясним, он поймет.

— Да неужели? Сомнительно, — съязвил блондин, медленно приближаясь, при этом демонстративно показывал свободные руки.

Как сразу вспомнилось, что в той комнате, у Земера не было в руках оружия, оно у него появилось лишь, когда я выставила свой меч, направляя на него!

— Честно! — попыталась заверить приближающегося хищника, который уже был готов к прыжку. — И еще, он извинится перед тобой!

— Что сделает? — Земер замер, удивленно глядя на меня, потом перевел взгляд на Дарена.

Я толкнула того локтем, чтобы не стоял столбом.

— Извините, у меня рука сама сорвалась, — пробурчал парень. — Я не ожидал, что попаду в вас.

Лицо Земера резко изменилось — рот скривился, обнажая клыки, крылья носа приподнялись, глаза засветились. И он прошипел.

— Конечно, а как же иначе, ведь нож летел в нее!

— Нет, Земер, — попыталась успокоить советника, и сама не поняла, как оказалась прижала спиной к груди Дарена, а у горла почувствовала холодное лезвие.

— Простите, леди Аулерия. Но ректор так и сказал, что вы ослеплены и не видите сути темных. Поэтому только святой огонь сможет излечить вашу душу! — вкрадчивый шепот коснулся моего слуха, разбивая все мои надежды, что не все светлые отвернулись от меня.

Зажмурилась, задержав дыхание, и попыталась отрешиться от этого мира. Чтобы не мешать, Земеру двигаться. Я не видела, но чувствовала, как воздух пронзал острый меч, как он проникал, словно нож в масло, в тело Дарена. Как рыжий, мой бывший студент, от боли вскрикнул. Запах крови ударил в нос, я сильнее зажмурилась, боясь оглянуться, чтобы не

увидеть, как советник с жадностью пьет, довольнo урча.

Выдохнула, только для того, чтобы произнести одно имя:

— Минас!

Один удар сердца, и я в крепких любимых объятиях.

— Земер! Что опять случилось? — я чувствовала, как напрягся любимый. Слышала, как быстро бьется его сердце.

— Властитель, она вне опасности. Просто узнала правду, как вы и хотели, — спокойным голосом ответил Земер.

— Я хотел? Да, хотел, но не так же! — вспыхнул Минас, а я сильнее прижалась к нему, с удивлением глядя, как огонь ластится ко мне, нисколько не рая и не обжигая.

— Минас, где Артеид? — прошептала, чуть отстранившись, взглянула в его бушующую Тьму.

— Сбежал, — процедил сквозь зубы любимый, больно сжимая объятия. — Поджал хвост и сбежал. Но он поплатится.

— Прошу не надо. Прошу, — прошептала, уткнувшись лбом в его грудь.

— Аулерия...

Земер вошел в спальню своих Властителей и замер от представшей красоты. Восходящая звезда разгоняла сумрак, девушка стояла возле окна. Ее распущенные волосы ореолом горели в лучах восхода. Столько лет прошло, практически целый век, а сладкий дурманящий голову аромат до сих пор исходил, как и прежде соблазняя, от этой невозможно светлой души. Темная Властительница — мечта...

Одернув себя, Земер досадливо закончил мысль: «Просто мечта и не более того!»

Сегодня умер Минас — его непослушный мальчик, и переродился. Магистры уже вылетели за ним. У Земера осталось лишь одно дело.

— Аулерия? — позвал советник.

Девушка лишь вздрогнула, но голову не повернула.

— Земер, — советник услышал ее тихий шепот. — Он умер.

Оглянувшись на кровать, советник увидел тело Властителя, еще несколько минут назад молодое, а сейчас покрытое морщинами и с серой кожей.

— Человеческие тела так хрупки и недолговечны. Но душа Минаса уже переродилась и скоро увидит свет, — заверил советник, чувствуя боль Аулерии.

— Честно? — развернулась она к нему лицом, глаза от радости блестели, так, что сердце Земера очередной раз замерло в груди, поражаясь красоте Властительницы.

— Конечно. Я пришел подарить вам поцелуй ночи, — решил не тянуть время Земер, чувствуя, что может не сдержаться.

Аулерия вздрогнула и отвернулась от него.

— Я не буду с тобой целоваться, — недовольно высказалась она, гордо расправив плечи.

Советник одним движением оказался у нее за спиной. Обхватил ее крепко за талию, хлопнув ловушку, и жарко зашептал:

— Это не простой поцелуй, моя Властительница. Я подарю вам сладкую смерть. Я выпью вашу кровь. Я буду у вас первым и последним, кто войдет в вас своими клыками.

Заворожив своим голосом, советник аккуратно убрал волосы в сторону, открывая белоснежную кожу, с вожделением глядя на бьющуюся в диком темпе вену. Аулерия не

могла шевелиться и говорить, но Земер и сам знал, что она хочет сказать ему, слишком хорошо выучил свою Властительницу.

— Да, я подарю вам сладкую смерть, — прошептал и резко вонзил свои клыки, окуная их в горячую и вкусную кровь.

Когда жизнь ушла из Аулерии, Земер не смог сдержаться от соблазна и украл поцелуй у еще теплых губ.

Осторожно подхватив тело Властительницы, он положил ее на кровать, возле супруга, укутывая одеялом.

Дверь распахнулась, и в спальню ворвался Тодеус. На него было больно смотреть, под глазами синие круги от усталости, одежда была мятая. Он бросился к кровати, рыдая, упал на колени, хватая серую морщинистую руку Минаса.

— Нет, нет. Только не ты.

— Тодеус, успокойся, — холодно осадил его советник, обтирая с губ кровь.

Брюнет обратил на это внимание и вскричал:

— Это ты убил их! Ты предатель!

Темные рыцари, вошедшие вслед за Тодеусом, замерли у него за спиной. Земер оскалился, зловеще рассмеявшись.

— Предатель здесь только ты у нас. Только ты, — слова сочились словно яд, жая душу Тодеуса.

— Я уже искупил перед Минасом этот грех! — вскричал он.

— Ну и что. Ты же просил силу, чтобы предать светлых. Ты отомстил своим родственникам, топча доброе имя семьи. Ты предал не только Минаса, но и тех, кто был с тобой одной крови, — обходя кровать, советник приблизился к рыдающему, который с болью в голосе впервые изливал душу, кому-то еще кроме Минаса.

— Земер, ты ничего не знаешь. Я отомстил за их предательство. Если бы ты знал, что нам пришлось пережить с сестрой. Моя бедная Лисси, она так и не смогла прийти в себя. Но я отомстил! Ты бы так же поступил.

Теплая рука опустилась на плечо Тодеуса, чуть сжимая его.

— Пойдем, выпьем. У нас многое, что есть обсудить, — предложил Земер, ухмыляясь.

Его нисколько не тронул рассказ мальчика, а вот сам Тодеус еще как заинтересовал. Больше не было сдерживающих факторов у советника, и можно было сполна насладиться такой яркой душой.

Тодеус встал и послушно вышел из спальни. Рыцари занялись телами властителей. А Земер с блуждающей улыбкой на устах спросил своего нового собеседника на ближайшие годы:

— Дашь выпить?

— Конечно, — отозвался Тодеус.

Глаза советника довольно блеснули:

— Надо же, так быстро согласился. Ну что ж, пойдем пить и напиваться!

— Ложитесь спать, и я расскажу тебе сказку, — строго приказал голубоглазый блондин смеющемуся мальчонке, в черных глазах которого плясали чертята.

Забравшись в кровать ребенок, укрылся одеялом, и приготовился слушать. Белая рука блондина погладила кудряшки на золотой головке.

— Итак на чем мы закончили вчера?

— Мальчик загадал желание и встретил звездочку.

— Точно, так вот. Стали они дружить, учиться в академии. И родилась между ними искра любви, которая с каждым годом разрасталась все сильнее, пока не превратилась она в любовь, самую настоящую! В истинную любовь, о которой слагают легенды.

— Я тоже хочу себе звездочку, чтобы она исполняла мои желания!

— Ну, для этого вам надо немного повзрослеть и отправиться?

— К дубу! — звонко выкрикнул мальчуган.

— Молодец, я продолжу. И вот выросли они стали великими Темными Властелинами. Они покорили бескрайний космос, завоевали светлых. Темный Властелин собственноручно проткнул мечом подлое сердце предателя — светлого мага, с которым они дружили с детства, — рассказывал блондин, поправляя одеяло.

— А где же была Властительница? — удивился мальчик, который считал, что они должны всегда быть вместе и ни на секунду не разлучаться.

— А она в это время блуждала по коридорам Академии вместе с мудрым советником.

— Какой же он мудрый, если они потерялись, — рассмеялся мальчуган.

— Подрастете и поймете, каким советник был мудрым и незаменимым! — недовольно отозвался Земер. — А теперь спать, Минас, а то смотрю, вы опять развеселились!

На территории Темной Академии Высшей Магии стояла непроглядная ночь, и только яркие звезды перемигивались на небосклоне. Под вековым дубом, что пережил и смену власти, и время ожесточенных войн, на покрывале лежали три девочки, зорко выглядывая падающую звезду.

— Вик, а что ты загадаешь? — спросила зеленоглазая блондинка, красавица всего третьего курса.

— Как чего! Встретить своего принца на белом звездолете и с огненным мечом! И глаза у него будут синие, а волосы золотые, и плечи — вон! — показала руками рыжеволосая девушка, хихикающим подружкам. — А ты, Кэтнис?

— Хочу стать королевой Темной Империи! И чтобы наш ректор, наконец, понял, что никого нет лучше меня! — решительно сказала блондинка, думая о красавце — мужчине, которого никак ей не удавалось завлечь в свои сети.

— А ты, Эмилис, что загадаешь? — обратилась к молчаливой брюнетке Вика.

Эми повернулась к ним лицом, нерешительно закусив губу. От любопытства Кэтнис перевернулась на бок, подперев рукой голову, и выжидательно уставилась на все еще молчаливую брюнетку.

— Ну, чтобы закончить академию, найти хорошую работу.

— Вот глупая! — рассмеялась Кэтнис, подтолкнул рыжую Вику. — Лучше загадала бы стать красавицей. Ты и так слишком умная, закончишь ты академию еще и с золотой медалью, а вот красота! Так загадывай — потом спасибо скажешь.

За что сказать спасибо Эми не понимала. За постоянные упреки по поводу ее избыточного веса и внешнего вида? Ну не нравились ей розовые кружавчики и рюшечки, из-за чего Эми превращалась в поросенка. И даже темные волосы не спасали ее от этого сравнения. Нет, она твердо была уверена, что главное не красота, а ум.

— Вон летит! — взвизгнула радостно Вика, шепча свое желание.

Эми пыталась найти звезду, но не успела. Кэтнис тоже расстроено вздохнула.

— Ну все, я пошла спать. А вы? — Довольная Вика, стала с покрывала, с превосходством глядя на неудачниц.

— Мы еще посидим! — ответила за двоих Кэтнис, Эми была конечно не прочь пойти спать, но не оставлять же подругу одну на улице.

Блондинка демонстративно легла, насупившись, сложила руки на груди. Эмилис легла рядом. И стала думать о своей судьбе. Лучшая ученица без родословной, навряд ли, она получит хорошую работу после выпуска. Да к тому же светлая!

Грустно вздохнула и стала мечтать, как она встретит принца — темного красавца, который полюбит ее такой, какая она есть. И не требует измениться!

Вдруг с неба сорвалась звезда и Эмилис с замиранием сердца, загадала не то что хотела, а то о чем мечтала. О любви — настоящей, истинной и вечной! Любви, ради которой не жалко и жизнь отдать.

— Вот не везет. Ладно пошли Эми, я спать хочу, завтра еще раз попробуем, — недовольство так и сквозило в голосе блондинки.

Поднявшись на ноги, Эми собрала покрывало. А Кэтнис даже ждать ее не стала пошла вперед. Закатив глаза, брюнетка так и застыла с открытым ртом. На высокой ветке дуба сидел золотокудрый юноша и открыто ей улыбался.

— Что загадала? — спросил он.

— А? — удивленно протянула Эми.

— Желание какое, говорю, загадала? — повторил юноша, ловко прыгая с ветки на ветку.

Эми следила за ним, прижав пухлые ручки к своей груди, что-то было неуловимо знакомое в этом парне. Как только парень красиво прыгнул на траву, самодовольно усмехнувшись, улыбка, вызвала всплеск воспоминаний. Эта особенная улыбка теплом растекалась в груди.

— Желание, — прошептала Эми, радостно улыбнулась в ответ, — А желание. Оно сбылось, Минас.

— Аулерия, как ты изменилась, а я даже не узнал, — подбежав к ней, юноша легко поднял ее и закружил, весело рассмеявшись.

— Ты тоже сменил свою вороную гриву на золотые кудряшки.

— Перекрашусь, если не нравится, — с готовностью ответил Минас.

— Нет что ты. Оставь, они прекрасны, — настояла Аулерия, зарывшись в это золото рукой.

— Это ты прекрасна, моя звездочка! — прошептал Минас, и, крепко прижав к себе свою возлюбленную, нежно поцеловал.

В кабинете ректора академии из окна было прекрасно видно целующуюся парочку. Земер приложил руку к стеклу, желая почувствовать тепло, исходящее от Темной Властительницы.

— Аулерия... — сорвался шепот.

Как же блондин был рад, что наконец-то звездочка нашлась. А то он уже стал сомневаться, что она переродилась.

Настойчивый стук в дверь, оторвал Земера от созерцания самой красивой пары во всей вселенной. Хотя конечно над фигурой Аулерии придется поработать, но это мелочи. Главное, что они встретились.

— Да, — крикнул советник и пожалел, как только знакомый надоедливый аромат наполнил кабинет.

— Ректор, это студентка третьего курса Кэтнис, можно с вами поговорить по очень важному личному делу.

Знал он все ее важные личные дела, устал уже объяснять прелестнице, что ничего кроме роли любовницы ей не светит. Но ведь упорная все мечтает стать его спутницей! Какая наглость!

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net